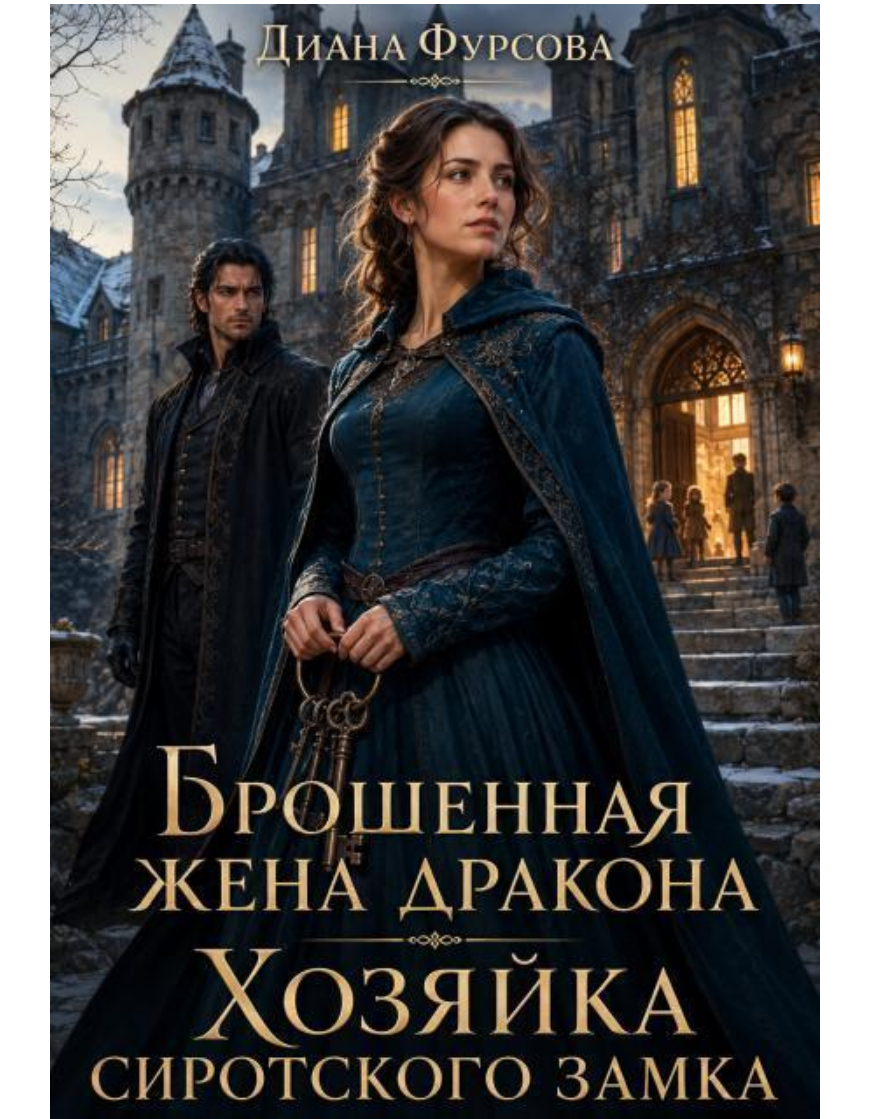

Диана Фурсова

БРОШЕННАЯ
ЖЕНА ДРАКОНА
ХОЗЯЙКА
СИРОТСКОГО ЗАМКА

Диана Фурсова

Брошенная жена дракона. Хозяйка сиротского замка

<https://litres.ru/74205703>

Аннотация

В день, когда муж-дракон публично отрёкся от Авелии, ей достались не золото, не поместье и не свобода с почестями.

Ей отдали развалины.

Каменный Сиротский замок — забытое владение у Дальних ворот, где нет дохода, прислуги и защиты. По бумагам там никто не живёт. Но уже в первую ночь Авелия находит детскую записку:

«Если вы новая хозяйка, не верьте тем, кто скажет, что нас здесь нет».

За холодными стенами прячутся дети без фамилий. Замок не пускает чужих, меняет коридоры, хранит старые имена и проверяет каждого, кто называет себя хозяином. А бывший муж скоро понимает: он отдал Авелии не развалины, а древний дом с тайной, правами и силой.

Теперь Орвейн хочет вернуть замок. Совет хочет забрать детей. А королевский инспектор Тарвен Ольстейн приезжает с подозрением, что Авелия незаконно захватила владение.

Только Авелия больше не та женщина, которую можно вывести из зала и забыть.

Она разожжёт первый очаг, откроет скрытые комнаты, соберёт сирот за общим столом и докажет: дом принадлежит не тому, кто ставит печать, а тому, кто остаётся, когда маленьких нельзя бросать в темноте.

Содержание

Глава 1. В отступные развалины	5
Глава 2. Замок, который не пускает гостей	24
Глава 3. Дети без фамилий	60
Глава 4. Первый тёплый очаг	103
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Глава 1. В отступные развалины

В тот день, когда муж решил выбросить Авелию из своей жизни, он велел подать ей жемчужное платье.

Не чёрное, не серое, не дорожное, в котором было бы проще уйти незаметно, а именно жемчужное: с высоким воротом, тонкой серебряной вышивкой по рукавам и холодным блеском ткани, от которого кожа казалась ещё бледнее. Платье для жены великого драконьего рода. Платье для женщины, которая должна была стоять рядом с супругом и молчать красиво.

Авелия поняла всё ещё до того, как служанка опустила глаза.

Поняла по тому, как в покоях заранее убрали её дорожную шкатулку. По тому, как на туалетном столике не оказалось родового гребня Салкрестов, хотя ещё вчера Орвейн сам закреплял им её волосы перед приёмом. По тому, как за дверью сменили стражу: не её привычные двое, с которыми она здоровалась каждое утро, а чужие, неподвижные, будто уже получили приказ не выпускать прежнюю хозяйку без разрешения.

— Госпожа, — прошептала служанка, расправляя подол, — вас ожидают в Зале Совета.

Авелия посмотрела на своё отражение в высоком зеркале. Женщина в жемчужном платье выглядела безупречно. Ни

одной складки, ни одной выбившейся пряди, ни одной видимой трещины.

Только глаза были чужими.

Слишком спокойными для женщины, которую собирались унижить при свидетелях.

— Значит, не будем заставлять Совет ждать, — сказала она.

Голос прозвучал ровно. Даже мягко.

Служанка вздрогнула, будто ожидала слёз, просьб, проклятий, хоть чего-нибудь живого и понятного. Авелия не дала ей этого. Четыре года рядом с Орвейном Салкрестом научили её одному: в драконьем доме слабость не прощали даже тем, кого называли семьёй.

Особенно тем, кого называли семьёй.

Она вышла в коридор, и замок Салкрестов встретил её привычным холодом. Здесь всё было рассчитано на величие: чёрный камень стен, узкие окна с красными витражами, тяжёлые ковры, на которых не слышно шагов, и гербы с расправленными крыльями, повторяющиеся на каждой двери. Авелия знала этот дом до последней лестницы. Она принимала здесь гостей, вела счета, мирила управляющих, помнила имена младших слуг, подбирала ткани для зимних залов, следила, чтобы на праздниках огонь в чашах горел ровно и не чадил.

И всё равно за четыре года этот замок ни разу не стал её домом.

Он принадлежал Орвейну. Его отцу. Его деду. Его будущим детям, которых от Авелии уже перестали ждать вслух.

Ей здесь принадлежала только обязанность быть удобной.

У дверей Зала Совета стояли двое старших стражей. Один из них, седой, с тонким шрамом через подбородок, дрогнул взглядом, когда Авелия приблизилась. Он служил при Салкрестах давно и знал, сколько ночей она проводила над расходными книгами, пока Орвейн был в столице. Знал, кто спас родовой дом от позора после прошлогоднего провала с поставками зерна. Знал, кто принимал жалобщиков, когда сам герцог не желал слушать «мелкие просьбы».

Но седой страж тоже опустил глаза.

Двери распахнулись.

В зале пахло раскалённым камнем, дорогой кожей и чужим нетерпением.

Совет драконьих родов собрался почти в полном составе. Старшие лорды сидели полукругом на возвышении, под гербами своих домов. В центре, у мраморного стола, стоял Орвейн Салкрест.

Её муж.

Высокий, тёмноволосый, с лицом, которое художники любили бы писать при огне: резкие скулы, прямая линия губ, глаза цвета расплавленного янтаря. На нём был парадный камзол с алой перевязью рода. Авелия сама выбирала эту ткань месяц назад. Тогда Орвейн сказал, не глядя на неё, что у неё хороший вкус для женщины без драконьей искры.

Рядом с ним стояла Лиорса Вейн.

Не слишком близко, чтобы это выглядело неприлично. Не слишком далеко, чтобы кто-то мог сделать вид, будто не понимает, зачем она здесь.

Лиорса была прекрасна тем блестящим, уверенным видом, который даётся женщинам, заранее знающим, что сегодня они победят. Золотистые волосы уложены высокой короной, платье цвета молодого вина, на груди — маленькая брошь с крылом Вейнов. Её пальцы лежали на спинке кресла Орвейна так легко, словно она уже примеряла не только место рядом с ним, но и весь дом.

Авелия остановилась у нижней ступени.

Никто не предложил ей сесть.

Это была первая пощёчина.

Не рукой. Древние рода редко пачкали ладони тем, что можно сделать порядком, взглядом и отсутствием кресла.

— Леди Авелия Рианор, — произнёс глава Совета, сенор Гравен Арк. Его голос был сухим, как пергамент, который слишком долго держали у огня. — Вы вызваны для объявления решения по брачному союзу с герцогом Орвейном Салкрестом.

Не «герцогиня Салкрест».

Не «супруга герцога».

Леди Авелия Рианор.

Ей вернули девичье имя ещё до того, как объявили приговор.

Авелия медленно сложила руки перед собой, чтобы никто не заметил, как на мгновение похолодели пальцы.

— Я слушаю Совет.

По залу прошёл едва уловимый шёпот. Кто-то ждал, что она спросит. Кто-то надеялся, что она не выдержит. Женщины за спинами старших лордов смотрели с тем особым любопытством, с каким смотрят на чужую беду, когда уверены, что их самих сегодня не коснётся.

Орвейн поднял голову.

— Наш союз был заключён ради укрепления северных земель, — сказал он. — За четыре года он не дал роду Салкрестов того, ради чего создавался.

Авелия смотрела не на его губы, а на правую руку. На ту самую руку, которой он когда-то, в день свадьбы, накрыл её пальцы поверх брачной чаши и произнёс перед алтарём: «Мой дом будет твоим домом».

Она тогда поверила.

Не сразу. Авелия никогда не была глупой девочкой, готовой броситься в сказку при первом взгляде на красивого дракона. Но Орвейн умел быть внимательным, когда хотел. В первые месяцы он спрашивал, не холодно ли ей в северном крыле. Приносил книги о родовых законах, чтобы она не чувствовала себя лишней среди драконов. Однажды даже рассмеялся, когда она перепутала церемониальную чашу с сосудом для гостевых печатей, и сказал, что в её ошибках больше жизни, чем в правильности всех его родственников.

Потом смех исчез.

Потом исчезли вопросы.

Потом она стала частью расписания: приём в среду, счета в пятницу, молчание за ужином каждый день.

— Я прошу Совет признать брак исчерпанным, — продолжил Орвейн. — Без взаимных претензий к чести сторон. Без претензий.

Авелия едва не улыбнулась.

У него хватило бесстыдства назвать это так, будто её честь не только что поставили на мраморный стол и не стали разбирать на глазах у всего зала.

— Леди Авелия, — Гравен Арк повернул к ней узкое лицо. — Вам предоставляется право сказать слово.

Вот и вторая пощёчина.

Право сказать слово после того, как всё уже решено.

Авелия почувствовала взгляд Лиорсы. Та смотрела ласково, почти сочувственно. Так смотрят на старое платье, которое ещё добротное, но уже вышло из моды.

— Совет уже вынес решение? — спросила Авелия.

Гравен Арк чуть приподнял бровь.

— Формально решение будет закреплено после вашего ответа.

Формально.

Значит, печати уже приготовлены.

Она перевела взгляд на Орвейна.

— Ты знал об этом вчера, когда ужинал со мной?

Вопрос был тихим, но зал услышал. Драконы вообще хорошо слышали то, что могло стать скандалом.

Орвейн нахмурился.

— Не превращай это в сцену.

— Я задала вопрос.

Лиорса чуть сильнее сжала спинку кресла. Её ногти, покрытые тёмным лаком, блеснули на резном дереве.

Орвейн медлил всего мгновение. Для чужих это было почти незаметно. Для Авелии — достаточно.

— Да, — сказал он наконец.

Ответ не ударил.

Он просто поставил последнюю точку там, где Авелия всё ещё, вопреки разуму, оставляла тонкую незаметную запятую.

Вчера он сидел напротив неё. Разрезал мясо. Спросил, закончены ли счета по южным амбарам. Сказал, что на рассвете ему понадобится парадный камзол. И ни разу не дрогнул.

Не потому, что ему было трудно.

Потому что ему было всё равно.

Авелия кивнула.

— Благодарю за честность, герцог.

Он вздрогнул от обращения. Ещё утром она могла назвать его по имени. Теперь выбрала титул, и почему-то именно это задело его сильнее, чем слёзы.

Гравен Арк положил на стол раскрытый свиток.

— В качестве отступного дара леди Авелии Рианор пе-

редаётся владение, ранее числившееся за северным попечительским фондом рода Салкрестов.

В зале кто-то тихо хмыкнул.

Авелия не шевельнулась.

Гравен Арк продолжил:

— Каменный Сиротский замок у Дальних ворот. С прилегающим двором, внешней стеной, хозяйственными постройками и правом внутреннего управления.

Теперь шёпот стал громче.

Сиротский замок.

Она слышала о нём лишь обрывками. Старое пограничное владение, куда когда-то свозили детей, оставшихся без родовой защиты после междоусобиц. Потом замок закрыли. Потом вычеркнули из праздничных карт. Потом стали говорить, что там крошатся башни, зимой не держится огонь, а ворота открываются только тем, кого потом не выпускают обратно.

Развалины.

Ей отдавали развалины.

Не деньги, не дом в столице, не долю от имущества, которое она помогала удерживать четыре года. Орвейн бросал ей каменный обломок на краю северных земель, достаточно далёкий, чтобы она исчезла из приличных разговоров, и достаточно бесполезный, чтобы никто не счёл это щедростью.

Лиорса опустила глаза, но Авелия успела заметить улыбку.

— Замок нуждается в хозяйском присмотре, — сказал Орвейн. — Я счёл это достойным решением. У тебя всегда хорошо получалось заниматься домом.

Вот теперь в зале стало по-настоящему тихо.

Даже Гравен Арк на мгновение замер.

Авеля медленно повернулась к мужу. Бывшему мужу, если быть точной, хотя печати ещё не остыли.

Заниматься домом.

Так он называл четыре года её жизни.

Не управление, не труд, не спасение его репутации, когда поставщики требовали выплат, а старший управляющий сбежал с частью казны. Не сотни писем, не ночи над книгами, не примирение трёх вассальных семей, которые были готовы разорвать северные дороги на части. Не приёмы, где она улыбалась тем, кто за спиной называл её пустой ветвью.

Дом.

Красивое маленькое слово для всего, что мужчины вроде Орвейна не замечали, пока оно не ломалось.

— Как щедро, — произнесла Авеля.

Лиорса подняла ресницы.

Орвейн насторожился.

— Авеля...

— Леди Рианор, — поправила она.

Впервые за всё заседание по лицу Орвейна прошла настоящая злость. Не яркая, не драконья, а человеческая, уязвлённая. Он не ожидал, что она станет отнимать у него при-

вычное право на её имя.

— Леди Рианор, — с нажимом повторил он. — Не стоит отказываться. Других условий не будет.

Вот оно.

Он всё-таки ждал просьбы.

Думал, она испугается ветхих стен, дальних дорог, чужих слухов и пустых кладовых. Думал, вспомнит, что у Рианоров после смерти отца почти не осталось влияния. Думал, ей некуда идти.

Авелия посмотрела на свиток.

На герб Салкрестов внизу.

На оставленное для её подписи место.

На тонкую серебряную иглу рядом с чернильницей — для кровной отметки, которую требовали старые брачные разрывы. Не боль, не рана, просто знак: прежняя связь снята.

Сколько раз она боялась этого мгновения? Иногда по ночам, когда Орвейн не возвращался до рассвета. Иногда утром, когда письма от его матери приходили не ей, а напрямую управляющему. Иногда на балах, когда Лиорса Вейн смеялась слишком близко к плечу её мужа.

Она думала, что будет больно.

Но сейчас боль была где-то далеко, словно за толстой стеной. А здесь, в зале, оставалась только ясность.

Её не лишали дома.

Ей наконец показывали, что дома здесь никогда не было.

Авелия подошла к столу.

Кто-то из младших лордов шумно выдохнул. Видимо, ожидал, что она упадёт к ногам Орвейна или хотя бы попросит пересмотреть условия.

Она взяла иглу.

Орвейн сделал шаг.

— Подумай. Каменный Сиротский не место для женщины без поддержки. Там нет достойной прислуги, нет дохода, нет защиты. Через неделю ты сама пришлёшь письмо.

Авелия взглянула на него через плечо.

— С просьбой?

Он промолчал.

Ответ был очевиден.

Тогда она улыбнулась. Не широко, не торжествующе. Так, как улыбаются, когда в доме наконец открывают окно после долгой зимы.

— Нет, герцог. Через неделю я пришлю счета.

И приложила палец к серебряной игле.

Капля крови упала на пергамент и вспыхнула ровным золотым огнём. Печать приняла её согласие.

По залу прокатился шёпот, уже совсем иной.

Авелия взяла перо. Подписала имя твёрдо, без пометки: Авелия Рианор.

Не Салкрест.

Рианор.

Гравен Арк поджал губы, но свиток свернул и запечатал.

— С этого момента брачный союз между герцогом Орвей-

ном Салкрестом и леди Авелией Рианор считается прекрасным. Владение Каменный Сиротский переходит под её внутреннее управление с правом проживания и хозяйственного распоряжения.

Слишком быстро.

Слишком легко.

Так легко драконы избавлялись от людей, когда считали их ненужными.

Лиорса сделала шаг вперёд. На её лице снова появилось сочувствие, аккуратное и фальшивое, как искусственный цветок на траурном столе.

— Леди Рианор, — сказала она сладко, — я надеюсь, вы найдёте в себе силы устроиться... согласно новым обстоятельствам. Если вам понадобятся старые покрывала или лишняя посуда, я распоряжусь.

Несколько женщин тихо засмеялись.

Авелия повернулась к ней полностью.

Лиорса была выше на полпальца и моложе на три года. У неё была драконья кровь, живой род за спиной и уверенность женщины, которой сегодня подарили чужое место. Но она совершила ту же ошибку, что и все в этом зале: решила, будто потеря мужа сделала Авелию меньше.

— Благодарю, — спокойно ответила Авелия. — Но всё лишнее останется здесь. Мне не хотелось бы начинать новый дом с чужого мусора.

Смех оборвался.

Лиорса побледнела ровно настолько, чтобы это заметили те, кто хотел заметить.

Орвейн резко произнёс:

— Достаточно.

— Полностью согласна, — сказала Авелия. — Я задержалась в вашем доме дольше, чем следовало.

Она сняла с пальца брачное кольцо.

Кольцо Салкрестов было тяжёлым, с тёмным камнем, внутри которого иногда проходила алая искра. Когда Орвейн надел его ей в день свадьбы, зал ахнул: старший родовой перстень не давали женщинам, которых считали временными. Авелия тогда решила, что это знак доверия.

Теперь понимала: это была не честь, а ошейник из дорогого металла.

Она положила кольцо на мраморный стол.

Звук вышел негромким, но почему-то все его слышали.

— Прошу передать следующей хозяйке, — сказала Авелия. — Надеюсь, ей оно подойдёт лучше.

Лиорса не удержалась и посмотрела на кольцо.

Орвейн смотрел только на Авелию.

Впервые за долгое время в его глазах появилось не равнодушие. Не сожаление. Нет. До сожаления он ещё не дорос.

В его взгляде мелькнуло раздражённое недоумение человека, который выбросил вещь и вдруг увидел, что вещь умеет уходить сама.

Авелия сделала реверанс Совету. Достаточно глубокий,

чтобы соблюсти приличия, и достаточно короткий, чтобы никто не спутал его с покорностью.

— Господа.

Она повернулась и пошла к дверям.

Жемчужное платье шуршало по камню. Спина оставалась прямой. Каждый шаг давался легче предыдущего. Только у самых дверей Авелия услышала голос Орвейна:

— Ты не справишься там.

Она остановилась.

Не потому, что его слова удержали.

Потому что слишком долго позволяла им падать ей на плечи и становиться частью её собственной тени.

Авелия обернулась.

— Возможно, — сказала она. — Но это будет первая моя неудача, которая не прославит ваш род.

И вышла.

За дверями воздух оказался другим. Не свободным ещё, нет. Свобода не приходит сразу после подписи. Сначала приходит пустота, в которую страшно поставить ногу.

Авелия шла по коридору медленно, не позволяя себе ускориться. Слуги отступали к стенам. Кто-то кланялся ниже обычного, кто-то делал вид, что занят подносом или свечами. У лестницы стояла та самая молодая горничная, которая утром застёгивала ей платье. В руках она держала дорожный плащ Авелии.

Не парадный, не герцогский. Старый тёмно-синий плащ,

привезённый ещё из дома Рианоров.

Девушка протянула его молча.

Авелия приняла и впервые за утро почувствовала, как к горлу подступает что-то горячее. Не слёзы. Слёзы требовали доверия к месту, где их можно пролить. Здесь такого места не было.

— Как тебя зовут? — спросила она.

Горничная растерялась.

— Мира, госпожа.

— Спасибо, Мира.

Та опустила голову, но Авелия успела увидеть, как у девушки дрогнули губы.

У северного выхода уже ждал экипаж. Не родовая карета с гербом, конечно. Обычная дорожная, с потёртой обивкой и двумя крепкими лошадьми. На козлах сидел пожилой кучер в сером кафтане. На крыше закрепили один сундук.

Один.

Четыре года жизни поместились в один сундук, потому что всё остальное, как внезапно выяснилось, принадлежало не ей.

Авелия подошла ближе.

— Это всё? — спросила она у управляющего, который стоял рядом с видом человека, надеющегося исчезнуть до начала неприятного разговора.

— Согласно распоряжению герцога, вам переданы личные вещи, не внесённые в реестр рода Салкрест, — быстро про-

изнёс он. — Также дорожные средства на три дня, ключ от владения и копия решения Совета.

— На три дня до Каменного Сиротского ехать четыре, если дорога размыта.

Управляющий сглотнул.

— Полагаю, его светлость не учёл...

— Его светлость редко учитывает дорогу, по которой не собирается ехать сам.

Управляющий замолчал.

Авелия не стала требовать ещё денег. Не потому, что гордость была сытнее хлеба, а потому, что сейчас каждая просьба стала бы для Орвейна подтверждением его власти. Он ждал письма через неделю. Пусть ждёт.

Она поднялась в карету и села у окна.

Замок Салкрестов за стеклом выглядел таким же, как всегда: огромным, сильным, неприступным. Алые флаги на башнях хлопали на ветру, и чёрные драконьи крылья на них словно насмехались над женщиной, которую вывозили через боковые ворота.

Когда экипаж тронулся, Авелия не оглянулась.

Не сразу.

Она держалась, пока карета не миновала внешний двор, где когда-то встречала Орвейна после первой дальней поездки. Держалась, пока за спиной не закрылись ворота, которые она четыре года считала своими. Держалась, пока флаги не скрылись за поворотом дороги.

И только тогда позволила себе выдохнуть.

Длинно, почти беззвучно.

На коленях лежала копия решения Совета. Авелия развернула её и прочитала ещё раз, уже не как брошенная жена, а как женщина, которой предстояло выжить.

Каменный Сиротский замок.

Внешняя стена.

Хозяйственные постройки.

Право внутреннего управления.

Доход не указан.

Состояние не указано.

Состав проживающих не указан.

Вот на последней строке её взгляд задержался.

Состав проживающих не указан.

Если замок заброшен, так и пишут: пустующее владение. Если закрыт — закрытое владение. Если опасен — владение под печатью Совета. Но здесь стояло другое. Не «нет проживающих». Не «покинуто». Просто ничего.

Авелия провела пальцем по строке.

Странно.

В родовых бумагах драконов странности почти никогда не были случайными. Они были либо выгодными, либо опасными.

Иногда и тем и другим сразу.

Карета покачнулась на выбоине. Из маленького бокового кармана выпал конверт, которого Авелия раньше не замети-

ла. Без герба. Без подписи. Серый, дешёвый, запечатанный каплей простого воска.

Она подняла его.

На лицевой стороне было выведено всего три слова:

«Не открывайте ворота».

Почерк был детским.

Неровным, угловатым, будто буквы писали замёрзшими пальцами.

Авелия медленно сломала печать. Внутри лежал клочок бумаги, вырванный из старой книги. Чернила расплылись местами, но прочитать можно было.

«Если вы новая хозяйка, не верьте тем, кто скажет, что нас здесь нет».

Карета продолжала катиться по северной дороге. За окном начинался мелкий снег, хотя до настоящей зимы оставалось ещё несколько недель. Ветер гнал по полю сухие листья, и они цеплялись за колёса, словно пытались задержать путь.

Авелия перечитала записку ещё раз.

Потом аккуратно сложила её и спрятала за корсаж, ближе к сердцу.

В груди больше не было пустоты.

Там, где утром стояла боль, теперь медленно поднималось что-то другое: холодная, внимательная решимость.

Орвейн подарил ей развалины, чтобы она исчезла.

Совет подписал бумаги, не потрудившись указать, кто живёт за стенами старого замка.

А кто-то с детским почерком успел передать ей предупреждение, пока весь драконий дом был занят её унижением.

Авелия посмотрела вперёд, на дорогу, уходящую к серым холмам.

Она не знала, что ждёт её в Каменном Сиротском. Не знала, выдержат ли стены, хватит ли денег, откроются ли ворота и кто прячется внутри. Не знала, станет ли этот замок спасением или ловушкой.

Но впервые за много лет её жизнь больше не принадлежала Орвейну Салкресту.

И если за дальними воротами действительно были те, кого вычеркнули из бумаг, Авелия слишком хорошо понимала, что значит быть названной лишней.

Карета свернула на северный тракт.

Авелия расправила на коленях решение Совета, взяла из дорожной сумки карандаш и на чистом обороте свитка написала первую строку нового списка:

«Что нужно сделать, чтобы развалины стали домом».

Ниже она поставила цифру один.

Подумала.

И вывела твёрдо:

«Узнать, кто просит не открывать ворота».

Глава 2. Замок, который не пускает гостей

Каменный Сиротский замок появился не сразу.

Сначала северный тракт стал уже, потом исчезли придорожные столбы, на которых ещё можно было разобрать гербы Салкрестов. Затем кончились деревни. Последняя изба с покосившейся крышей осталась позади на рассвете четвёртого дня, и с тех пор Авелия видела за окном только серые холмы, голые кусты, полосы старого снега в ложбинах и редкие чёрные сосны, которые росли так криво, будто всю жизнь отступали от ветра.

Кучер всё чаще оглядывался.

Он не говорил, что хочет повернуть назад. Северные люди редко тратили слова на очевидное. Но его плечи становились напряжённее с каждым поворотом, а кнут, лежавший рядом на козлах, он держал уже не как инструмент, а как защиту от дороги.

Авелия не торопила.

На коленях у неё лежала копия решения Совета, сложенная вчетверо, и маленькая детская записка, которую она за последние дни прочитала столько раз, что знала каждую неровную букву.

«Не открывайте ворота».

«Если вы новая хозяйка, не верьте тем, кто скажет, что нас здесь нет».

Чем ближе они подъезжали к Каменному Сиротскому, тем сильнее эти слова переставали казаться просто предупреждением. В них было что-то другое. Не просьба даже. Отчаяние, спрятанное за детской попыткой приказать взрослому миру хоть что-нибудь.

Авелия провела пальцем по сгибу бумаги и вновь спрятала записку во внутренний карман плаща.

За четыре дня пути у неё было достаточно времени, чтобы рассердиться, испугаться, устать и снова рассердиться. Первую ночь они провели в придорожном доме, где хозяйка слишком внимательно смотрела на жемчужное платье, выглядывавшее из сундука, и слишком быстро отвела глаза, когда услышала имя Салкрест. На вторую ночь кучер предложил остановиться у старого моста, потому что дальше, по его словам, «дорога нехорошая». На третью их застал ледяной дождь, и Авелия сама помогала вытаскивать колесо из вязкой грязи, подбирая подол дорожного платья и стараясь не думать о том, что в родовом замке Салкрестов к этому часу уже накрывают ужин.

Ей не хотелось представлять, кто теперь сидит на её месте. Нет, не её. Никогда не её.

Эта поправка всё ещё резала, но с каждым часом становилась полезнее боли. Если место не было её, значит, и потеря не обязана была убивать.

Карета подпрыгнула на камне так резко, что Авелия придержала рукой боковую стенку.

— Госпожа, — позвал кучер, не оборачиваясь. — Дальше, видать, пеший мост будет. Или то, что от него осталось.

— Лошади пройдут?

— Лошади-то, может, и прошли бы. А вот карета потом простит ли нас — сомневаюсь.

Авелия отодвинула занавеску.

Дорога впереди обрывалась у узкого каменного перехода над оврагом. Когда-то мост был крепким: по обе стороны ещё стояли низкие столбики с выбитыми крыльями, а по краям виднелись следы старой кладки. Но середина просела, одно ограждение исчезло совсем, и вода внизу билась о камни с таким звуком, словно кто-то в глубине оврага сердито перемалывал зубами кости земли.

За мостом поднимался склон.

А на вершине склона стоял замок.

Не величественный. Не прекрасный. Не такой, каким старые барды украшали песни о драконьих твердых.

Каменный Сиротский был огромным, мрачным и совершенно неподвижным.

Он вырос из холма, как часть самой скалы: серые стены, тёмные провалы окон, башни разной высоты, будто их строили в разные века и каждый новый хозяин спорил с прежним, не желая продолжать его мысль. Одна башня была надломлена у самого верха. У другой крыша просела внутрь.

Над главными воротами висел железный знак без герба — пустой щит, покрытый ржавыми потёками.

Пустой щит.

Ни рода, ни имени, ни защиты.

Авелия долго смотрела на него, пока ветер не ударил в лицо острыми крупинками снега.

— Красивым его не назовёшь, — осторожно сказал кучер.

— Красивыми часто называют места, где уже всё сделали до тебя, — ответила Авелия. — Здесь, кажется, работы хватит.

Кучер покосился на неё так, будто не понял, шутит она или собирается действительно поселиться в этой каменной беде. Авелия и сама не была уверена, что готова назвать происходящее поселением. Пока это больше походило на проверку, которую Орвейн придумал с особой тщательностью: дорога, холод, мост, пустой замок и одно-единственное условие — сломаться достаточно быстро, чтобы он мог сказать: «Я предупреждал».

Она вышла из кареты.

Ветер сразу вцепился в плащ, дёрнул за завязки, бросил в лицо прядь волос. Авелия запахлаась плотнее и подошла к мосту. Камни под ногами были скользкими, но не треснувшими. Если идти медленно, лошадей можно было провести. Карету, пожалуй, тоже, но только если снять часть груза.

Груза у неё было немного.

Один сундук. Одна шкатулка с бумагами. Один дорожный

мешок. И чужое решение Совета, которое теперь служило ей правом на развалины.

— Снимайте сундук, — сказала она. — Перенесём отдельно. Карету проведём пустой.

— Госпожа, вы не обязаны...

— Ещё как обязана. Если карета сорвётся, у меня не останется ни вещей, ни способа выбраться отсюда, если замок решит нас не принять.

Кучер хотел что-то сказать, но передумал. За четыре дня он уже понял: новая хозяйка Каменного Сиротского могла быть бледной, усталой и слишком тонко одетой для северного ветра, но бесполезных возражений не любила.

Сундук они перетаскивали вдвоём. Авелия держалась за одну ручку, кучер — за другую. Несколько раз мокрый камень предательски скользил под сапогами, и сердце ухало вниз, к шумящей воде, но Авелия не выпустила ручку. Когда они наконец поставили сундук на другой стороне, пальцы у неё горели от напряжения, а дыхание сбилось.

Кучер посмотрел на неё с новым выражением.

Не с жалостью.

С уважением, которое ещё не решалось показаться открыто.

— Не каждый господин сам за сундук возьмётся, — пробормотал он.

— Я больше не в том положении, чтобы ждать каждого господина, — сказала Авелия.

Он усмехнулся в бороду и пошёл за лошадьми.

Пока кучер проводил карету через мост, Авелия стояла у подножия склона и смотрела на ворота. Отсюда замок казался ещё тяжелее. Не мёртвым, нет. Мёртвые места не наблюдают. А этот наблюдал. Она не могла объяснить, откуда взялось такое чувство, но оно холодным швом легло вдоль позвоночника.

В окнах не было света.

Ни дыма над трубами.

Ни движения во дворе.

И всё же Авелия знала: там кто-то есть.

Детская записка в кармане будто стала теплее.

Карета благополучно перекатилась через мост, лошади фыркали и били копытами, недовольные ветром. Кучер спрыгнул на землю, перекрестил ремни упряжи заново и кивнул на дорогу вверх.

— До ворот довезу. А дальше, госпожа, как велите.

— Дальше посмотрим.

Подъём оказался тяжелее, чем казался снизу. Колёса вязли в старой земле, местами дорога была засыпана мелким камнем, по обочинам торчали сухие стебли прошлогодней травы. Чем ближе они подъезжали, тем отчётливее становились следы запустения: заросший ров, сломанный фонарный столб, пустые гнёзда для сторожевых огней, железные кольца в стене, на которых когда-то крепились знамёна.

Авелия считала всё машинально.

Сколько нужно верёвки для ворот. Сколько людей потребуется, чтобы расчистить двор. Где можно поставить временный навес для дров. Есть ли целая конюшня. Сколько окон разбито в видимой части фасада.

Счета успокаивали лучше молитв.

Они превращали ужас в задачи.

А задачи хотя бы можно было записать.

У самых ворот карета остановилась.

Вблизи они выглядели не просто старыми. Они выглядели упрямыми. Две створки из почерневшего дуба были усилены железными полосами, покрытыми странным узором. Не гербами, не обычной защитной вязью, которую Авелия видела в замке Салкрестов, а линиями, похожими на переплетённые корни и крылья. В центре висело кольцо-стучало, слишком большое для человеческой руки и слишком низкое для дракона в истинном облике.

На каменной арке над воротами кто-то давно выбил слова. Часть букв стёрлась, но Авелия всё же разобрала:

«Кто входит ради власти — останется снаружи».

Ниже, совсем мелко, будто добавленное другой рукой:

«Кто входит ради дома — назовёт своё имя».

Кучер прочитал вместе с ней и сглотнул.

— Может, постучать?

Авелия достала из сумки ключ, который ей выдали в замке Салкрестов. Тяжёлый, чёрный, с алым камнем в головке. На первый взгляд — ключ от древнего владения. На второй

— очередной знак того, кто считал себя хозяином всего, даже того, что отдавал в отступные.

Камень в головке ключа был салкрестский.

Тот самый алый оттенок, что на флагах Орвейна.

Авелия вставила ключ в замочную скважину.

Ключ вошёл легко.

Слишком легко.

Она повернула.

Внутри ворот что-то щёлкнуло. Один раз. Второй. Потом железо глухо заскрежетало, словно просыпался огромный механизм, который много лет никто не тревожил.

Кучер облегчённо выдохнул.

И в тот же миг ключ раскалился.

Не пламенем, не вспышкой — сухим злым жаром, который ударил в ладонь, будто сам металл отвергал прикосновение. Авелия резко отпустила его. Ключ остался торчать в замке, алый камень почернел, и по воротам прошла низкая дрожь.

Створки не открылись.

Наоборот, где-то в глубине дерева с тяжёлым стуком упали дополнительные засовы.

Кучер отступил на шаг.

— Не понравились мы ему, госпожа.

Авелия смотрела на ключ.

Нет. Не «мы».

Замок не отверг её руку. Он отверг знак.

Она медленно подняла ладонь. На коже остался красный след, не глубокий, но явный. Жжение было неприятным, однако не настолько сильным, чтобы отвлекать от главного.

Ключ Салкрестов не открывал Каменный Сиротский.

Или открывал только то, что сам замок не желал больше признавать.

Авелия достала платок, обернула им ключ и вытащила из замка. Алый камень треснул надвое. Из трещины высыпалась чёрная пыль, тут же унесённая ветром.

Кучер смотрел так, будто сейчас предложил бы ехать обратно, если бы не боялся услышать согласие.

— Госпожа...

Авелия не ответила. Она подошла ближе к воротам и коснулась дерева пальцами.

Холодное.

Шершавое.

Живое настолько, насколько живым может быть старое дерево, помнящее чужие руки.

— Авелия Рианор, — сказала она отчётливо. — По решению Совета мне передано право внутреннего управления Каменным Сиротским замком. Я прибыла не ради власти.

Ворота молчали.

Ветер заметал подол её платья снегом.

— Я прибыла не ради рода Салкрест, — добавила она.

Где-то наверху скрипнуло. Может быть, ставня. Может быть, камень. Может быть, замок прислушался.

Авелия вспомнила слова над аркой.

«Кто входит ради дома — назовёт своё имя».

Имя она назвала. Но на ней всё ещё было слишком много чужого.

Она сняла перчатку и провела рукой по вороту плаща. Там, у самой застёжки, управляющий утром пути закрепил маленький знак Салкрестов — дорожную печать, подтверждающую, что карета выехала из их владений законно. Формальность. Железный овал с крылом и алой чертой. Авелия почти забыла о нём.

Почти.

Она отцепила печать.

Металл был холодным и гладким. Четыре дня он лежал у горла, как последняя невидимая цепь.

Кучер заметил движение.

— Без дорожной печати вас на обратном тракте могут задержать.

— Значит, мне придётся сделать так, чтобы обратный тракт пока не понадобился.

Авелия положила знак Салкрестов на камень перед воротами.

Потом сняла с волос две тонкие шпильки с алыми головками, которые служанки машинально вложили в причёску утром отъезда. Сняла поясную пряжку с крошечным родовым узором, оставшуюся от дорожного платья, выданного из кладовой Орвейна. Даже пуговицу с внутренней стороны

плаща, на которой был выбит маленький драконий коготь, она срезала дорожным ножом, хотя пальцы от холода плохо слушались.

Получилась жалкая кучка металла.

Но, глядя на неё, Авелия неожиданно почувствовала, как плечам стало легче.

Не достаточно, чтобы забыть прошлое.

Достаточно, чтобы сделать шаг без него.

— Я Авелия Рианор, дочь дома, который почти исчез, — сказала она воротам. — Я не принесла сюда герб Салкрестов. Не прошу впустить меня как их бывшую жену. Не требую покорности. Я прошу открыть мне дорогу как новой хозяйке, если внутри действительно есть те, кому некуда выйти.

Тишина длилась так долго, что кучер перестал даже шевелиться.

Потом за воротами раздался звук.

Не скрежет замка.

Не щелчок засова.

Сначала это было похоже на глубокий вздох, проходящий сквозь камень. Затем железные полосы на створках едва заметно засветились серым, как угли под пеплом. Узоры-корни дрогнули, переплелись иначе, и тяжёлое кольцо-стучало само качнулось вперёд.

Один раз.

Другой.

На третьем ударе засовы поднялись.

Ворота открывались медленно, с долгим стоном дерева и металла, будто не желали признавать, что уступают, но всё же уступали. В щель пахнуло холодом, пылью и старым камнем.

И ещё чем-то едва уловимым.

Не дымом, не едой, не сыростью.

Присутствием.

Авелия не сразу вошла. Она подняла с камня салкрестские знаки, завернула их в платок и положила в дорожную сумку. Не из жалости. Не на память. Просто в новом доме мусор следовало убирать с порога.

— Сундук внесём во двор, — сказала она кучеру. — Потом вы получите плату за обратную дорогу.

Он замялся.

— Госпожа, я могу остаться до утра. Мало ли что.

Авелия посмотрела на него внимательнее. За эти дни она привыкла к его молчаливой осторожности, к тому, как он делал вид, будто не замечает, когда ей приходилось экономить на ужине, и как подсовывал ей горячий хлеб, называя это «лишним куском». Северные люди не любили лишних чувств, но делом говорили достаточно.

— Как вас зовут? — спросила она.

— Дарон, госпожа.

— Дарон, если вы останетесь до утра, я не смогу заплатить вам достойно.

— Я не про плату.

В этом простом ответе было больше благородства, чем во

всём Зале Совета.

Авелия кивнула.

— Тогда останьтесь до утра. Но лошадей нужно будет поставить под крышу, если такая крыша здесь ещё есть.

— Найдём, — сказал он и почему-то посмотрел на открывшиеся ворота уже не с ужасом, а с неприязненным любопытством. — Раз уж пустил, пусть и место для лошадей покажет.

Они въехали во двор.

Первое, что увидела Авелия, было не разрушение.

А следы.

На тонком слое снега, покрывавшем внутренний двор, отпечатались маленькие подошвы. Много. Не свежие, часть уже смазал ветер, но достаточно явные, чтобы сердце у Авелии сжалось не от страха, а от подтверждения.

Дети.

Здесь действительно были дети.

Следы вели от бокового крыла к старому колодцу, потом к низкой пристройке у стены и обратно, но ни один отпечаток не приближался к главным воротам ближе чем на десять шагов. Будто для тех, кто жил внутри, ворота были не выходом, а запретом.

Авелия медленно огляделась.

Двор оказался большим, выложенным неровным камнем. Посередине стоял колодец с треснувшим навесом. Слева тянулись конюшни, у которых одна дверь висела на единствен-

ной петле. Справа — хозяйственные пристройки, часть окон забита досками, часть зияет пустотой. Прямо впереди поднимался главный корпус замка, высокий и суровый, с широкой лестницей, на которой снег лежал нетронутым.

Нет.

Не совсем.

У самой двери снег был сбит.

Кто-то недавно стоял там и смотрел, как открываются ворота.

Авелия не стала делать вид, что не заметила. Дети, если это были они, наверняка наблюдали за каждым её движением. Испуганные существа доверяют не словам, а тому, как взрослый ведёт себя, когда считает, что его никто не видит.

— Дарон, поставьте лошадей в конюшню, но не трогайте ничего лишнего, — сказала она. — Если найдёте чьи-то вещи, оставьте на месте.

— Думаете, тут кто-то живёт?

Авелия посмотрела на следы.

— Я думаю, тут кто-то очень старался, чтобы мы так не думали.

Дарон нахмурился, но спорить не стал.

Она поднялась по лестнице к главной двери. Дверь оказалась ниже ворот, но толще, из того же почерневшего дерева. На ней не было ручки — только круглая выемка на уровне груди. Авелия машинально поискала второй ключ, но в дорожной сумке ничего не нашлось.

— Назовёт своё имя, — тихо повторила она.

И положила ладонь в выемку.

Камень под ногами дрогнул.

Не сильно. Так, будто где-то в глубине замка кто-то повернулся во сне.

На этот раз жара не было. Только холод, прошедший по коже и остановившийся у запястья. Дверь медленно раскрылась внутрь.

Авелия вошла.

Главный зал встретил её темнотой.

Не полной — сквозь узкие высокие окна просачивался серый дневной свет, но его едва хватало, чтобы различить очертания колонн, широкую лестницу в глубине и огромный очаг у противоположной стены. Очаг был пуст. В нём не осталось даже пепла. На каменном полу лежала пыль, но не ровным слоем: кое-где её пересекали узкие дорожки, будто здесь ходили часто, но осторожно.

Холод стоял такой, что дыхание сразу стало белым.

Авелия прислушалась.

Дом молчал не так, как пустые дома. В пустых домах тишина простая: сквозняки, мыши, капающая вода. Здесь тишина была собранной. Настороженной. Она держалась в углах, пряталась за дверями, скользила по галерее второго этажа.

И в этой тишине кто-то дышал.

Очень тихо.

Авелия не повернула голову сразу. Не бросилась к источнику звука. Не потребовала выйти.

Она сняла плащ, хотя холод тут же коснулся плеч, и аккуратно повесила его на край пустой стойки у двери. Потом достала из сумки дорожный огниво-фонарь, который Дарон купил на второй день пути у мостового сторожа. Простой, с мутным стеклом, но исправный. Она зажгла фитиль, прикрыла пламя ладонью и подняла фонарь повыше.

Свет расплылся по залу жёлтым кругом.

На стенах появились следы бывшего уюта: потемневшие gobелены, где уже почти нельзя было разобрать сцену; ниши для свечей; длинный стол, сдвинутый к стене; перевёрнутая скамья; треснувшая чаша у подножия колонны. Авелия отметила каждую деталь и мысленно перенесла их в список: стол осмотреть, скамью починить, чашу убрать, gobелены просушить, очаг проверить.

Если крыша не течёт над главным залом, жить можно.

Если течёт — сначала искать сухое крыло.

Если здесь действительно дети — сначала еда.

Она обернулась к боковой двери. Оттуда тянуло особенно холодно, но на полу виднелись свежие следы маленьких ног.

— Я не буду искать вас по углам, — сказала Авелия негромко. — Но мне нужно понять, сколько здесь людей, чтобы решить, сколько еды искать и где разводить первый огонь.

Тишина стала плотнее.

Сверху, на галерее, едва слышно скрипнула доска.

Авелия подняла взгляд, но увидела только резные перила и тёмные промежутки между колоннами.

— Меня зовут Авелия Рианор. С сегодняшнего дня по бумагам Совета я отвечаю за этот замок. Бумаги могут быть плохими, неполными и написанными людьми, которые не хотели видеть правду. Но ответственность в них всё равно моя.

Никто не ответил.

Вдали хлопнула дверь. Дарон, должно быть, нашёл конюшню.

Авелия поставила фонарь на стол у стены и прошла к очагу. Каждый шаг отдавался в зале слишком громко. У большого каменного зева она присела и провела пальцами по внутренней кладке. Сухо. Это было уже хорошо. В глубине застряла птичья ветка, значит, трубу нужно проверить, прежде чем разводить сильный огонь, но слабый можно было попробовать в боковом очаге, если такой найдётся.

Она встала.

— Начнём с кухни, — сказала она уже себе, но достаточно громко, чтобы её услышали те, кто прятался. — В каждом замке сначала нужно найти кухню. И кладовую. Если в кладовой пусто, будем ругаться. Если не пусто — будем считать.

Слева от главной лестницы была дверь с выцветшим знаком миски и пламени. Авелия направилась туда.

Дверь не открылась.

Она толкнула сильнее. За деревом что-то упиралось. Не засов — скорее тяжёлый предмет, придвинутый изнутри или с другой стороны. Авелия нахмурилась, поставила плечо и нажала ещё раз.

В темноте за спиной кто-то шепнул:

— Не туда.

Авелия замерла.

Голос был детским. Хрипловатым от долгого молчания или холода. Он прозвучал не сверху, а справа, из-под широкой лестницы, где тень была гуще всего.

Она медленно повернулась, но не сделала ни шага.

— Тогда куда?

Молчание.

Потом из темноты выдвинулась рука.

Худая, с ободранными костяшками, в рукаве, который был явно велик. Палец указал на узкую дверь за колонной. Такую узкую, что Авелия приняла её за панель в стене.

— Благодарю, — сказала она.

Рука исчезла.

Авелия подошла к указанной двери. Та открылась легко, почти бесшумно, будто её недавно смазывали. За ней начинался служебный коридор, низкий, с каменным полом и крючьями для связок трав, пустыми сейчас. Воздух был холодным, но не таким мёртвым, как в большом зале. Здесь жили запахи: старого дерева, угля, воды, мешковины и чего-то хлебного, давно закончившегося, но всё ещё помнящего се-

бя в стенах.

Кухня оказалась в конце коридора.

И сердце у Авелии упало.

Она ожидала бедности. Грязи. Беспорядка.

Но хуже всего была пустота.

Большие столы стояли выскобленные почти до белизны. Над ними висели крюки без котлов. У печи лежала аккуратно сложенная кучка щепок, слишком маленькая даже для одного вечера. На полках — три глиняные миски, одна треснутая кружка, деревянная ложка с обгоревшим краем. В углу стоял мешок, завязанный бечёвкой. Авелия развязала его и увидела на дне горсть крупы, перемешанную с шелухой.

Не забытая кладовая.

Не запущенное хозяйство.

Место, где кто-то долго делил последнее и уже почти научился не надеяться.

Авелия закрыла глаза на один короткий вдох.

Нет.

Не сейчас.

Она не имела права позволить себе растеряться перед теми, кто ждал, подтвердит ли новая хозяйка их худшие ожидания.

— Дарон! — позвала она.

Голос прошёл по коридору и вернулся глухим эхом.

Через несколько минут кучер появился на пороге кухни, стряхивая снег с плеч.

— Конюшня жива, госпожа. Крыша держится, сено старое, но сухое. Лошадей поставил. Что тут у нас?

Он осёкся, увидев полки.

Авелия уже открывала дорожный мешок.

В нём оставались: половина каравая, кусок твёрдого сыра, два яблока, мешочек сухарей, немного соли, свёрток с сушёными ягодами, который Мира, оказывается, спрятала между рубашками в день отъезда, и маленький запас чая. Еды на двоих на день. Или на многих — почти ни на что.

Дарон молча снял с плеча собственную сумку.

— У меня ещё хлеб, копчёная грудинка и луковицы, — сказал он. — Лошадям овса мало, но людям овёс тоже годится, если прижмёт.

Авелия посмотрела на него.

— Я запишу это долгом.

— Запишите, если вам легче. Только сегодня лучше не считайте слишком громко. Считать пустые полки — занятие злое.

За последние четыре года многие мужчины давали Авелии советы. Снисходительно, уверенно, с высоты положения. Дарон сказал просто, без желания казаться умнее, и потому его слова не обидели.

— Тогда будем считать не пустые полки, а то, что можем сделать до темноты, — ответила она. — Нужен огонь в малой печи, вода из колодца и всё съедобное, что есть у нас с вами. Ещё нужно узнать, сколько здесь детей.

При слове «детей» в коридоре что-то шевельнулось.

Дарон медленно повернул голову.

Авелия едва заметно подняла руку, останавливая его.

— Я знаю, вы слышите, — сказала она, не повышая голоса. — И знаю, что у вас нет причин мне верить. Поэтому начнём не с веры. Начнём с ужина.

В коридоре снова стало тихо.

— Я не стану требовать имён, пока вы не захотите их называть. Не стану хватать за руки. Не стану открывать двери силой, если за ними кто-то прячется. Но если вы живёте в этом замке, вы имеете право на тёплую еду. Сегодня её будет мало. Завтра я разберусь, где взять больше.

Дарон кашлянул, будто прятал смущение.

— Вода сама не придёт, госпожа.

— Верно. Ведро есть?

— У колодца видел два. Одно без ручки, второе сердитое, но целое.

— Берите сердитое.

Он хмыкнул и вышел.

Авелия осталась в кухне одна.

Не совсем одна.

Она чувствовала присутствие за дверью. Один ребёнок? Двое? Больше? Тишина в этом замке умела держать секреты, но голодные дети не могли не выдать себя дыханием.

Авелия медленно разложила еду на столе. Не как подачу для господ, а как учёт: хлеб сюда, сыр сюда, сухари отдельно.

но, яблоки разрезать тонко, чтобы досталось каждому, крупу перебрать, щепки в печь, проверить тягу.

Её движения становились спокойнее.

Кухня, даже пустая, подчинялась понятным законам. Здесь не имело значения, была ли она женой дракона, брошенной женщиной или хозяйкой сомнительного владения. Если есть огонь, вода и крупа, можно сварить похлёбку. Если есть стол, можно посадить за него людей. Если есть дверь, можно решить, открыть её или оставить прикрытой.

Авелия нашла в ящике тупой нож, вытерла его чистой столовой платка и начала резать хлеб.

За спиной скрипнула половица.

Она не обернулась.

Нож шёл через корку медленно, крошки падали на доску. Авелия нарезала первый ломоть, потом второй, тоньше, чем хотелось бы, но ровно. На третьем услышала едва заметный вдох.

— Тебе можно взять кусок, — сказала она. — Но если возьмёшь сейчас, остальные тоже узнают. Лучше подождать, пока будет горячее.

Молчание.

Потом тот же хриловатый голос спросил:

— Горячее для всех?

Авелия положила нож.

Теперь она повернулась.

У дверного проёма стоял мальчик лет двенадцати или

тринадцати. Точный возраст определить было трудно: худоба делала его старше, огромные настороженные глаза — младше. Тёмные волосы падали на лоб неровными прядями, словно их обрезали ножом без зеркала. На нём была куртка с чужого плеча, перетянутая верёвкой, и слишком короткие штаны. Но стоял он прямо, закрывая собой коридор, будто за его спиной была не пустота, а целое войско.

На правой щеке у него виднелась тонкая светлая линия, похожая на след от старой царапины.

— Для всех, кто выйдет к столу, — ответила Авелия. — Или для всех, кому вы потом отнесёте в мисках, если они боятся.

Мальчик прищурился.

— Мисок три.

— Значит, будем есть по очереди. Или найдём ещё посуду. В больших замках всегда есть место, куда убирают непарные тарелки, треснутые кувшины и вещи, которые жалко выбросить.

— Тут не большой замок.

Авелия оглянулась на широкую кухню, на огромную печь, на тёмные балки под потолком.

— Он просто давно не ел, — сказала она. — От этого все кажутся меньше.

Мальчик явно не ожидал такого ответа. Его взгляд скользнул к хлебу, к сыру, к мешочку сухарей, затем снова к её лицу.

— Вы не должны были открывать ворота.

— Это ты написал записку?

Он сжал губы.

Значит, да. Или знал того, кто написал.

Авелия не стала ловить его на этом.

— Я не открывала их сразу, — сказала она. — Сначала они отказались.

В глазах мальчика мелькнуло что-то быстрое. Испуг? Удовлетворение? Надежда, тут же придушенная недоверием?

— Но потом открыли.

— После того как я сняла с себя знаки Салкрестов.

Он посмотрел на её ворот, на волосы, на пояс, будто проверял, не осталось ли где алой метки. Проверял серьёзно, почти по-взрослому. И снова Авелия ощутила холодную злость — уже не на Орвейна лично, а на весь порядок, в котором ребёнок с голодными глазами знал о родовых знаках больше, чем должен был знать ребёнок.

— Как тебя зовут? — спросила она.

Он отступил на полшага.

— Никак.

— Никак — неудобное имя. На него трудно позвать к ужину.

Мальчик нахмурился, но в уголке его рта дрогнуло что-то похожее на несостоявшуюся улыбку.

— Элмар, — сказал он после паузы. — Но это не для записей.

Авелия кивнула, принимая условие.

— Хорошо, Элмар не для записей. Я Авелия. Это можно для записей, потому что Совет уже испортил моё имя в достаточном количестве бумаг.

Он вскинул глаза.

— Вы смеётесь?

— Немного. Иначе придётся ругаться на пустые полки, а Дарон сказал, что это злое занятие.

На этот раз мальчик всё-таки посмотрел в сторону коридора. Там за его спиной мелькнула тень. Маленькая. Быстрая.

— Сколько вас? — спросила Авелия.

Элмар замкнулся мгновенно.

Плечи поднялись, взгляд стал острым.

— Меньше, чем было.

Ответ ударил сильнее, чем любое число.

Авелия удержала лицо спокойным. Не потому, что не почувствовала. Потому что жалость, показанная слишком рано, легко становится оскорблением для того, кто выжил без неё.

— Тогда сегодня посчитаем только тех, кому нужен ужин,
— сказала она. — Остальное подождёт.

Элмар смотрел на неё долго. Потом тихо произнёс:

— Вы всё равно уедете.

— Возможно.

Он моргнул.

Такого ответа он явно не ждал.

Авелия повернулась к печи, проверила заслонку и начала укладывать щепки.

— Я могу уехать, если замок меня выгонит, если Совет найдёт способ забрать бумаги, если дорога станет непроходимой, если я не сумею достать еду. Взрослые часто обещают больше, чем могут исполнить, а потом делают вид, что обещания были красивыми словами. Я не стану так делать. Сегодня я здесь. Сегодня я разведу огонь, накормлю тех, кто выйдет, и узнаю, какие двери не стоит трогать. Завтра буду думать про завтра.

Элмар молчал.

Потом сказал:

— Главную кладовую не открывайте.

Авелия замерла, держа щепку над печью.

— Почему?

— Она пустая.

— Пустые кладовые обычно не запрещают открывать.

Он снова сжал губы.

В коридоре раздался торопливый шёпот, слишком тихий, чтобы разобрать слова. Элмар обернулся и шикнул.

Авелия опустила щепку в печь.

— Значит, главную кладовую сегодня не трогаем. Но мне всё равно нужно будет понять, где хранить припасы, когда они появятся.

— Они не появятся.

— Появятся.

— Откуда?

В этом вопросе было столько взрослой усталости, что Авелия на мгновение увидела перед собой не мальчика, а старое управляющего, который слишком долго считал убытки.

Она зажгла огонь. Маленькое пламя лизнуло щепу, задымил, почти погасло, потом вдруг выпрямилось и стало ровным. Печь отозвалась тихим гулом, будто не верила, что ей снова дали работу.

— Для начала из моего сундука, — сказала Авелия. — Там есть два платья, которые можно продать или обменять на муку, ткань и свечи. Ещё у меня есть копия решения Совета. Бумага неприятная, но полезная: с ней я могу требовать отчёты по владению. Если Каменный Сиротский числился за попечительским фондом, кто-то должен был получать на него средства. Если средства исчезали по дороге, это уже не пустая кладовая, а чужая ложь.

Элмар слушал слишком внимательно.

— За такие вопросы вас не любят.

— Меня сегодня уже бросили, унизили и отправили в развалины. Боюсь, с любовью Совета у меня всё равно не сложилось.

Из коридора донёсся тонкий смешок. Совсем короткий, тут же оборванный.

Элмар резко оглянулся, но Авелия сделала вид, что не слышала. Если ребёнок засмеялся в таком доме, это было

событие, которое нельзя пугать вниманием.

Дарон вернулся с ведром воды и охапкой кривых полевьев.

— Колодец живой, — сообщил он. — Вода холодная, чистая. Дров мало, но в сарае нашёл связки. Надо перебрать, часть отсырела. А ещё за конюшней кто-то устроил тайник с сухими щепками. Маленький, зато умный.

Элмар напрягся.

Дарон посмотрел на него, потом на Авелию и без всякой паузы добавил:

— Я тайник не трогал. Умные тайники без спроса не разоряют.

Мальчик чуть заметно выдохнул.

Авелия приняла ведро, налила воду в найденный котелок и повесила над огнём. Котелок был мал, зато цел. Вода зашевелилась, по кухне начал расползаться первый настоящий звук дома: тихое ожидание горячего ужина.

Пока крупа разваривалась, пока Дарон резал лук своим ножом, пока Авелия делила хлеб на невозможное количество тонких ломтей, в дверном проёме появился ещё один ребёнок.

Девочка лет семи.

Она стояла босиком на холодном камне, завернувшись в старую шаль. Светлые волосы спутались у висков, глаза были огромные, серо-зелёные, слишком внимательные. В руках она держала деревянную птичку с одним крылом.

Элмар сразу шагнул к ней.

— Нисса, я сказал ждать.

— Замок сказал, она не кричит, — прошептала девочка.

Авелия не переспросила.

Хотя очень хотелось.

Замок сказал.

Значит, не только она чувствовала в стенах присутствие.

Для Ниссы оно было голосом.

Девочка смотрела на Авелию не испуганно, а странно — будто прислушивалась не ушами, а всем лицом.

— У вас горло болит, — сказала Нисса.

Дарон поперхнулся луком.

Элмар побледнел.

Авелия медленно опустила ложку. Ни про горло, ни про боль она не говорила. Но оно действительно саднило с самого утра после четырёх дней холодной дороги и слишком многих сдержанных слов.

— Немного, — ответила она осторожно. — От ветра.

Нисса нахмурилась.

— Нет. От невыкрикнутого.

На кухне стало так тихо, что Авелия слышала, как в котелке лопнул первый пузырь.

Элмар схватил девочку за плечо.

— Не говори лишнего.

— Она и так знает, — упрямо сказала Нисса. — У неё внутри громко.

Авелия почувствовала, как грудь сжалась. Не от страха. От того, что маленькая девочка в чужой шали назвала то, чему она сама четыре дня не позволяла иметь имя.

Невыкрикнутое.

Да, пожалуй.

В ней было слишком много того, что она не сказала Орвейну. Слишком много слов, которые не должны были доставаться Залу Совета, потому что тот превратил бы их в развлечение. Слишком много боли, не имеющей права разлиться перед теми, кто ждал именно этого.

Авелия взяла один из двух яблок и разрежала его на тонкие дольки.

— Тогда будем считать, что сегодня в этом замке не только пустые полки, но и слишком много невысказанного, — сказала она. — С этим тоже придётся разбираться. Но сначала ужин.

Нисса посмотрела на яблоко так, будто увидела драгоценность.

Авелия положила две дольки на край стола.

— Это не плата за доверие. Просто яблоко. Его можно взять и всё равно не верить мне дальше.

Девочка не двинулась.

Элмар тоже.

Тогда Авелия отступила на шаг и вернулась к котелку.

Прошла минута.

Потом ещё одна.

Нисса подошла бесшумно, взяла одну дольку, другую спрятала в ладони и тут же отскочила к Элмару. Одну съела сама, вторую сунула ему. Элмар хотел отказаться, но девочка так сердито посмотрела, что он взял.

Дарон отвернулся к поленнице и очень старательно сделал вид, что занят.

Авелия помешала крупу. Её собственный голод вдруг стал неважным и одновременно очень острым. Не в животе — где-то под рёбрами. Голод по дому, в котором яблочная долька не должна быть событием.

Когда похлёбка наконец стала похожа на еду, из коридора вышел третий ребёнок.

Маленький мальчик лет пяти, с тёмными кудрями и круглым лицом, которое худоба ещё не успела сделать острым. Он держался за край стены и смотрел на котелок так пристально, будто боялся моргнуть, а еда исчезнет. На его запястье был повязан обрывок синей ленты.

— Руф, — тихо сказал Элмар, и в его голосе впервые прозвучало не недоверие, а тревожная нежность. — Стой рядом со мной.

Малыш послушался, но глаз от котелка не отвёл.

Больше никто не вышел.

Хотя Авелия была уверена: за дверью есть ещё тени. Может быть, старше. Может быть, слабее. Может быть, те, кто давно решил, что лучше не надеяться.

Она нашла три миски, треснутую кружку и глубокую

крышку от керамической формы. Вымыла всё горячей водой, насколько позволяли условия, и разлила похлёбку малыми порциями. Первую миску поставила перед Руфом. Вторую — Ниссе. Третью — Элмару. Крышку наполнила для тех, кто не вышел.

Элмар нахмурился.

— А вы?

— Я поем после того, как пойму, сколько осталось.

— Так говорят взрослые, которые потом не едят.

— Значит, ты проследишь, чтобы я не солгала.

Он уставился на неё, будто она предложила ему важную должность, и это было одновременно нелепо и серьёзно.

Руф взял ложку обеими руками, но не начал. Смотрел на Элмара.

Тот кивнул.

Только тогда малыш попробовал.

Авелия отвернулась к печи, давая им возможность есть без чужого взгляда. За спиной раздались осторожные звуки ложек о миски. Очень тихие, почти виноватые. Так едят те, кто привык не шуметь, чтобы у них не отняли.

Она сжала край стола.

Орвейн сказал: «Там нет достойной прислуги, нет дохода, нет защиты».

Он не сказал: «Там дети».

Гравен Арк не сказал: «Состав проживающих не указан, потому что мы предпочли не знать».

Лиорса предложила старые покрывала, словно речь шла о неудобном переезде, а не о живых людях за забытыми стенами.

Нет, Авелия ещё не понимала, что именно произошло с Каменным Сиротским. Не знала, почему дети прячутся, где взрослые, куда делись припасы и почему замок не пускает знаки Салкрестов. Но одно уже стало ясно: её отправили не в пустые развалины.

Её отправили в место, которое кто-то долго и методично стирал из мира.

И, возможно, очень испугался бы, узнав, что Каменный Сиротский всё-таки открыл ворота.

— Хозяйка, — вдруг прошептала Нисса.

Это слово прозвучало так странно, что Авелия не сразу поняла, обращаются ли к ней.

Она повернулась.

Девочка стояла у стены, прижимая к груди пустую миску. На губах у неё остался след похлёбки, а глаза были расширены, но теперь не от страха. Она смотрела куда-то мимо Авелии, в тёмный угол кухни, где каменная кладка уходила к полу.

— Он проснулся, — сказала Нисса.

Элмар вскочил так быстро, что миска качнулась на столе.

— Кто?

Но Авелия уже почувствовала.

Под ногами прошла глубокая дрожь. Не опасная, не ру-

шащая камень. Скорее похожая на первый вдох огромного существа, которое долго притворялось мёртвым и теперь решило проверить, кто развёл огонь в его сердце.

Пламя в печи вдруг вытянулось выше.

На стене рядом с очагом проступили линии. Сначала бледные, как царапины. Потом ярче. Они складывались в рисунок: семь ключей вокруг пустого щита.

Авелия сделала шаг ближе.

В центре щита медленно проявились буквы.

Не современные. Старые, угловатые, но понятные.

«Хозяйка вошла без чужого имени».

Дарон тихо выругался себе под нос, но тут же осёкся и виновато кашлянул.

Элмар побледнел так, будто эти слова означали не чудо, а беду.

— Что это значит? — спросила Авелия.

Мальчик посмотрел на Ниссу.

Та крепче прижала деревянную птичку.

— Теперь он будет проверять, — прошептала девочка.

— Кто?

Нисса подняла глаза на Авелию.

— Замок. Он всегда проверяет тех, кто говорит, что пришёл ради дома.

В этот момент где-то в глубине кухни с глухим стуком открылась дверь, которой минуту назад на стене не было.

Из проёма пахло сухим холодом, старым деревом и пы-

люю закрытых лет.

За дверью вниз уходила узкая лестница.

На первой ступени лежал маленький железный ключ без герба. Рядом с ним — детская варежка, совсем свежая, с оборванной ниткой у большого пальца.

Элмар бросился вперёд, но Авелия успела удержать его за плечо.

— Не спеши.

Он дёрнулся.

— Это варежка Тави!

Имя вырвалось у него раньше осторожности.

Нисса закрыла рот ладонью.

Руф заплакал беззвучно, одними глазами.

Авелия посмотрела на открытую лестницу, затем на ключ, затем на детей.

Ещё один ребёнок.

Не вышедший к ужину.

Возможно, спрятавшийся.

Возможно, запертый там, куда замок теперь предлагал ей спуститься.

Первое испытание.

Она поняла это с неприятной ясностью. Замок не соби-
рался решать за неё. Он открыл дверь, дал знак и ждал, что
новая хозяйка выберет: сначала безопасность, бумаги, уста-
лость и правила — или ребёнок, имя которого только что
сорвалось с губ Элмара.

Авелия взяла фонарь.

— Дарон, оставайтесь с детьми и печью. Элмар, ты пойдёшь со мной до нижней площадки и скажешь, если я сделаю что-то не так. Но впереди идти буду я.

— Почему? — резко спросил мальчик.

Авелия подняла железный ключ с первой ступени. Он оказался ледяным, но не обжёг.

— Потому что если этот замок теперь мой дом, — сказала она, глядя в темноту лестницы, — то первым в темноту должна входить хозяйка, а не ребёнок.

И где-то далеко в стенах Каменный Сиротский тихо, почти довольно, скрипнул.

Глава 3. Дети без фамилий

Лестница под кухней не нравилась Авелии с первого взгляда.

Она была слишком узкой для хозяйственного хода и слишком аккуратной для случайной кладовой. Ступени уходили вниз под таким углом, будто строивший их мастер хотел не просто спрятать нижнее помещение, а заставить каждого входящего трижды пожалеть о своём решении. Камень по краям был стёрт, середина ступеней почти не тронута, и эта странность сразу бросалась в глаза: здесь ходили часто, но не взрослые с тяжёлой поступью. Здесь спускались боком, осторожно, маленькими шагами.

Авелия подняла фонарь выше.

Свет лег на стены, выхватил из темноты тонкие царапины на камне, старую паутину под потолком, железные скобы, вбитые в кладку. Ни гербов, ни указателей. Только пустая лестница, маленький ключ в её ладони и детская варежка, которую Элмар продолжал видеть даже тогда, когда Авелия подняла её с первой ступени.

— Тави туда не пошла бы сама, — сказал он.

Голос у мальчика был сдержанный, но Авелия слышала то, что он пытался спрятать: страх. Не детский капризный испуг перед темнотой, а страх того, кто уже однажды не успел.

Она повернулась к нему.

— Почему?

Элмар сжал губы.

За его спиной, в кухне, Нисса прижимала к груди деревянную птичку и смотрела на открытую дверь так, будто та была пастью. Руф вцепился в край стола, не плакал, но нижняя губа дрожала. Дарон стоял у печи, держа в руках поле-но. Вид у него был такой, словно он выбирал, что полезнее: броситься вниз первым или послушаться хозяйку.

— Она не любит нижние ходы, — наконец ответил Элмар.
— Там замок разговаривает громче.

Авелия не стала сразу спрашивать, что значит «громче». В Каменном Сиротском каждое слово детей было похоже на дверцу в запертой стене: дёрнешь слишком резко — останешься с обломанной ручкой и испуганным молчанием.

— Когда ты видел её в последний раз?

Элмар отвёл взгляд.

— Утром.

— Где?

— У пустой кладовой.

— Той самой, которую ты просил не открывать?

Он кивнул после долгой паузы.

Авелия запомнила. Пустая кладовая снова перестала быть просто пустой кладовой. В этом замке всё, чего дети боялись, имело значение.

— Она брала что-нибудь с собой?

— Нитки, — тихо сказала Нисса.

Все посмотрели на неё.

Девочка стояла босыми ногами на холодном камне и, казалось, совсем не замечала этого. Её серо-зелёные глаза были мутноваты от усталости, но взгляд оставался цепким. Слишком цепким для семи лет.

— Тави говорила, что Руфу надо зашить рукав. Потом замок сердился.

— Как он сердился? — спросила Авелия.

Нисса сглотнула.

— Двери хлопали там, где нет ветра. И лестница скрипела сама.

Дарон осторожно переступил с ноги на ногу.

— Госпожа, может, верёвку? Привязать вас к косяку, чтобы если что...

— Если лестница решит исчезнуть, верёвка может только сломать мне шею, — спокойно сказала Авелия.

Дарон помрачнел.

— Вот умеете вы утешить человека.

— Я не утешаю, я оцениваю.

Элмар вскинул голову.

— Вы не обязаны идти. Можете приказать мне.

— Могу, — согласилась Авелия. — Но не прикажу.

— Тогда я сам.

Он шагнул к лестнице, но Авелия снова удержала его. На этот раз мягче, не пальцами в плечо, а ладонью перед ним,

преграждая путь.

— Элмар, посмотри на меня.

Мальчик неохотно поднял глаза.

— Я не знаю этот замок. Ты знаешь его лучше. Значит, ты нужен мне здесь не как мальчик, которого послали в темноту, а как тот, кто будет объяснять, где нельзя наступать, что нельзя трогать и какие звуки значат опасность. Это важнее, чем бежать первым.

Он молчал.

Авелия видела, как в нём борются привычка не верить взрослым и неожиданное желание быть нужным не только как щит.

— Если ты пойдёшь первым и что-то случится, я потеряю проводника, — добавила она. — Если я пойду первой и ошибусь, ты сможешь остановить меня.

Элмар упрямо сжал челюсти.

— Вы красиво говорите.

— Да. Меня этому учили. Но сейчас я говорю не красиво, а полезно.

Дарон крикнул, пряча усмешку, и тут же сделал вид, что поправляет заслонку печи.

Элмар посмотрел на него, потом снова на Авелию. Наконец кивнул.

— До нижней площадки. Дальше я скажу.

— Договорились.

Авелия передала Дарону маленькую варежку.

— Если мы задержимся, не уходите из кухни. Огонь держите малым. Детей к лестнице не подпускайте.

— Слушаюсь, госпожа.

Нисса сделала шаг вперёд.

— Он не любит, когда обещают и не делают.

Авелия опустила взгляд на девочку.

— Замок?

— И дети тоже, — сказала Нисса.

От этого ответа у Авелии потеплело где-то под рёбрами и одновременно стало тяжелее. Маленькая девочка не просила, не плакала, не цеплялась за подол. Она просто ставила перед новой хозяйкой первое настоящее правило этого дома.

Не обещай того, чего не удержишь.

— Тогда я не обещаю, что всё будет хорошо, — сказала Авелия. — Обещаю только, что не брошу того, кого смогу найти.

Нисса кивнула, будто именно это и хотела услышать.

Авелия шагнула на первую ступень.

Камень под ногой был холодным, но крепким. Второй шаг дался легче. Третий отозвался тихим стоном стены, словно замок проверял её вес, дыхание, решимость. Элмар шёл следом, держа одну руку на стене, а другую — чуть впереди, будто готов был в любой момент ухватить её за рукав.

Фонарь освещал всего несколько ступеней. Всё, что ниже, оставалось в густой серой темноте.

— Сколько здесь нижних ходов? — спросила Авелия.

— Смотря когда.

Она остановилась.

— Это плохой ответ.

— Это честный ответ. Иногда три. Иногда семь. Иногда один, но он ведёт не туда, куда вчера.

Авелия глубже вдохнула.

Замок менял проходы.

Не просто открывал спрятанные двери, не просто скрипел и слушал, а перестраивал внутренние дороги. Значит, планы этажей, если они где-то сохранились, могли оказаться бесполезными. Значит, детей годами держали в месте, где сама каменная память решала, кого куда пустить.

— От чего это зависит?

Элмар некоторое время молчал.

— От того, кто идёт. И зачем.

Авелия коснулась пальцами стены. Камень был сухой, неровный, с тонкой прожилкой, которая под светом фонаря показалась серебристой. Она не знала, мог ли замок слышать мысли, но после слов Ниссы не была уверена, что хочет проверять.

— Я иду за Тави, — сказала она вслух. — Если ты слышишь, Каменный Сиротский, я иду не за твоими тайнами. Не за ключами. Не за тем, что спрятано внизу. Только за ребёнком.

Стены не ответили.

Но где-то далеко, гораздо ниже, что-то тихо стукнуло.

Элмар побледнел.

— Он услышал.

— Это хорошо?

— Не всегда.

Лестница закончилась маленькой площадкой. Перед ними было три двери.

Левая — низкая, с круглой ручкой. Правая — высокая, узкая, обитая железом. Средняя — без ручки вообще, только с вырезанной на уровне глаз трещиной в форме вытянутого листа.

Авелия подняла фонарь.

— Куда?

Элмар молчал слишком долго.

— Элмар.

— Раньше здесь была одна дверь.

— Какая?

— Никакая из этих.

Вот теперь Авелия почувствовала, как по спине прошёл холод. Не от нижнего хода. От ясного понимания, что замок не собирается просто отдать им пропавшего ребёнка. Он действительно проверял. Или играл. Или вспоминал старые правила, по которым хозяйка должна была не только приказывать, но и понимать.

Она посмотрела на ключ в своей ладони. Маленький, железный, без герба. На бородке — три зубца. Ни один не подходил к левой двери, где замочная скважина была круглой.

Ни к правой, где её не было вовсе. Средняя дверь, как ни странно, имела узкую прорезь почти у пола.

Авелия присела и вставила ключ.

Он не повернулся.

Элмар шумно выдохнул, будто ждал именно этого.

— Не она.

— Не торопись.

Авелия не стала дёргать ключ. Она вынула его, перевернула и снова поднесла к прорези. На этот раз не вставила, а приложила сверху. Железо дрогнуло. На двери проявилась тонкая линия, до этого незаметная, и от неё по дереву разошёлся рисунок: маленькая ладонь и рядом большая.

Элмар подался вперёд.

— Что это?

— Думаю, замок хочет не ключ.

Авелия протянула мальчику руку.

Он сразу отступил.

Не резко. Не испуганно. Скорее так, как отступают те, кто очень давно решил, что чужих рук лучше не касаться.

— Я не потащу тебя силой, — сказала она.

— Тогда зачем?

— На двери две ладони. Маленькая и большая.

— Может, маленькая — Тави.

— Возможно. Но Тави сейчас за дверью. Или не за ней.

У нас есть ты.

Элмар смотрел на её руку так, будто она предлагала ему

перейти тонкий мост над оврагом. Авелия не торопила. Фонарь потрескивал, где-то сверху глухо двигался воздух, а за одной из дверей, кажется, едва слышно скреблось дерево о камень.

Наконец Элмар шагнул ближе.

— Если замок закроет нас, — сказал он, — я предупреждал.

— Запомню и не буду спорить.

Он положил свою ладонь рядом с её.

Дверь дрогнула.

Сначала ничего не произошло. Потом под пальцами у Авелии камень стал тёплым. Не обжигающе, не опасно — словно где-то по ту сторону стены зажгли свечу. Рисунок на двери изменился: две ладони соединились тонкой линией, и створка сама отошла внутрь.

За ней оказалась не кладовая и не темница.

Маленькая комната с низким потолком была забита поломанной мебелью. Старые стулья без ножек, рамы, сундук с проваленной крышкой, детская кроватка с одной уцелевшей спинкой, связки пустых корзин. Всё это стояло не беспорядочной кучей, а так, словно кто-то долго строил из ненужных вещей крепость.

В центре этой крепости сидела девочка.

Она была старше Ниссы, но младше Элмара. Лет девять, может, десять. Рыжеватые волосы, заплетённые в тугую короткую косу, лицо в веснушках, серые глаза, полные злости.

На коленях у неё лежал обрывок ткани, в руке — игла с тёмной ниткой. Одна рука была без варежки.

Увидев Авелию, девочка подняла подбородок.

— Я не выйду.

Элмар бросился к ней.

— Тави!

Она оттолкнула его плечом, но не сильно.

— Я сказала, не выйду. Новая хозяйка пришла, значит, скоро нас пересчитают. Потом увезут. Я лучше здесь.

Авелия осталась у двери.

Не вошла глубже, хотя комната сама открылась перед ней. Не наклонилась над девочкой. Не стала говорить, что никто никого не увезёт. Слишком большое обещание для первого вечера.

— Я могу узнать, почему ты так решила? — спросила она.

Тави фыркнула.

— Потому что всегда так.

— Всегда — это когда?

Девочка прикусила губу. Элмар отвёл глаза.

Ответа не было, но и без него стало ясно: в Каменном Си-ротском уже бывали взрослые. Может, не хозяева. Может, проверяющие. Может, люди с бумагами и правильными лицами. После них детей становилось меньше.

Авелия опустила фонарь на пол, чтобы свет не бил Тави в глаза.

— Сегодня никто никуда не едет.

— Сегодня, — сразу повторила девочка. — А завтра?

— Завтра я буду искать еду, тёплые одеяла и документы замка.

Тави сжала иглу в пальцах.

— Документы, чтобы нас записать?

— Чтобы понять, кто должен был присылать сюда припасы и почему они не дошли.

— Не дошли, — с горечью повторила она. — Конечно. Сами заблудились.

Элмар резко сказал:

— Тави.

— Что? Она всё равно взрослая. Они любят, когда красиво врут.

Авелия присела на корточки, чтобы говорить с девочкой на одном уровне.

— Я тоже не люблю красивую ложь. Она слишком дорогая в обслуживании.

Тави моргнула.

— Что?

— Ложь. Её нужно помнить, поддерживать, украшать, вовремя чинить, чтобы не развалилась перед гостями. Правда дешевле. Она неприятная, зато не требует столько слуг.

Элмар неожиданно тихо хмыкнул.

Тави посмотрела на него предательски обиженно, потом снова на Авелию.

— Вы нас продадите.

Эти слова были сказаны прямо, почти вызывающе. Не вопрос. Приговор. Девочка бросила его Авелии в лицо, как камень, заранее готовая к тому, что камень вернётся.

В груди у Авелии что-то болезненно сжалось.

Продадите замок. Отдадите Совету. Увезёте детей. Запишите их в книги. Сотрёте имена. Эти страхи не рождались из детских страшилок. Их кто-то вырастил. Терпеливо, годами.

— Нет, — сказала она.

Тави сразу ошетибилась.

— Все так говорят.

— Тогда скажу иначе. Я не имею права вас продать. Дети не имущество. Если кто-то когда-то сказал вам обратное, он лгал не красиво, а подлю.

Элмар смотрел на неё с такой неподвижностью, что Авелия поняла: это слово здесь прозвучало впервые. Не «опасно», не «нельзя», не «молчи». Подлю.

— А замок? — спросила Тави уже тише. — Замок продадите?

Авелия оглянулась на стены комнаты, на поломанную мебель, превращённую в крепость, на старую детскую кроватку. Замок под её ладонями казался слишком внимательным.

— Пока не знаю, могу ли я вообще его продать, даже если захочу. Он не похож на место, которое отдаётся без спора. Но я не собираюсь продавать дом, где в первую же ночь нашла детей и пустую кухню. Сначала я хочу понять, кто сделал так, что вы здесь оказались без защиты.

Тави прищурилась.

— Защита бывает только у тех, у кого фамилия.

Элмар резко отвернулся.

Нисса, оставшаяся наверху, однажды сказала: «У неё внутри громко». Сейчас Авелии показалось, что внутри громко стало не только у неё. Слова Тави прошли по маленькой комнате и задели каждого.

Дети без фамилий.

Без рода.

Без строки в книгах.

Без того самого щита, пустого над воротами.

Авелия медленно встала.

— Значит, начнём с того, что у вас есть имена. Фамилии

— дело бумаг, родов и Совета. И, судя по тому, что я уже увидела, Совет не слишком хорошо справился со своими делами. Но имя — это не их милость.

Тави крепче прижала к себе ткань.

— А если я не хочу вам его говорить?

— Тогда я буду звать тебя так, как уже случайно услышала, и не внесу его ни в одну бумагу без твоего согласия.

Элмар внимательно посмотрел на Авелию, будто проверял каждое слово на прочность.

— Вы всё время говорите «без согласия», — сказал он.

— Потому что в доме, где у людей мало вещей, у них должно остаться хотя бы право на собственное имя.

Тави вдруг опустила глаза.

В её пальцах была зажата не просто ткань. Маленький рукав. Тот самый, о котором говорила Нисса. Она действительно пряталась здесь не ради тайны, не ради упрямства. Она зашивала вещь для Руфа, потому что малыш ходил в одежде, которая давно просилась на починку.

Авелия сделала вид, что заметила это только сейчас.

— Ровный шов.

Девочка подозрительно посмотрела на неё.

— Что?

— Шов. Для такой иглы и плохого света — очень ровный.

Тави растерялась сильнее, чем от всех прежних вопросов.

— Я умею.

— Вижу. В замке с пустыми полками тот, кто умеет чинить вещи, важнее многих лордов.

Элмар снова хмыкнул, но теперь осторожно, будто смех мог обрушить потолок.

Тави нахмурилась.

— Вы странная.

— Сегодня мне это уже почти говорили. В разных выражениях.

— Вы не похожи на хозяйку.

Авелия посмотрела на своё дорожное платье, испачканный подол, срезанную пуговицу, красный след на ладони от салкрестского ключа.

— Пока нет, — согласилась она. — Хозяйкой не становятся из-за подписи в чужом зале. Это, кажется, придётся

заслужить.

Комната тихо скрипнула.

Поломанная кровать у стены сдвинулась на палец, открывая узкий проход между сундуком и корзинами. Замок будто решил, что разговор затянулся, а испытание ещё не окончено.

Тави заметила движение и побледнела.

— Не туда.

— Почему?

— Там старый нижний ход. Он выводит... иногда выводит в прачечную. Иногда — к сухому колодцу. Иногда никуда.

Авелия подняла фонарь.

— Сегодня нам нужно обратно на кухню.

Элмар шагнул к двери, через которую они вошли, и замер.

Двери больше не было.

На её месте стояла ровная стена с тем же рисунком двух ладоней, только теперь ладони были разомкнуты.

В комнате стало очень тихо.

Авелия почувствовала, как страх поднялся к горлу, но не позволила ему стать голосом. Паника взрослого в маленькой комнате с двумя напуганными детьми была роскошью, на которую у неё не было средств.

Она подошла к стене и провела по ней рукой. Камень. Настоящий, холодный, без щели.

— Он закрыл, — шепнула Тави.

Элмар сжал кулаки.

— Я говорил.

— Говорил, — спокойно согласилась Авелия. — Теперь говори, что делать.

Такой ответ снова сбил его с готового отчаяния. Мальчик привык, что взрослые в опасности либо обвиняют, либо приказывают. Авелия вместо этого поставила его рядом с собой.

Элмар сглотнул.

— Нельзя кричать. Если кричать, коридоры становятся длиннее.

— Хорошо. Не кричим.

— Нельзя бежать.

— Не бежим.

— Нельзя говорить, что хочешь выйти.

Авелия повернула голову.

— Почему?

Тави ответила вместо него:

— Потому что он покажет выход. Не тот.

Замок проверял не слова. Желания.

Салкрестский дом всю жизнь учил Авелию скрывать чувства. Каменный Сиротский, похоже, собирался вытаскивать их из костей и ставить перед дверями, как условия.

— Тогда скажем иначе, — произнесла она. — Мы хотим вернуться к тем, кто ждёт на кухне.

Где-то в стене раздался тихий скрежет.

Элмар выдохнул.

— Так можно.

Авелия посмотрела на открывшийся узкий проход.

— Тави, ты можешь идти?

— Я не маленькая.

— Я спросила не это.

Девочка раздражённо дёрнула плечом, но поднялась. На одной ноге у неё не было башмака. Только толстый чулок, протёртый на пятке.

Авелия заметила и не стала комментировать. Просто расстегнула дорожную сумку, которую взяла с собой, вынула запасной платок и протянула.

— Обмотай ногу. Камень холодный.

Тави не взяла.

Элмар нахмурился.

— Бери. Она потом не будет попрекать. Наверное.

— Спасибо за доверие, — сухо сказала Авелия.

Тави всё-таки выхватила платок и быстро обмотала ступню. Узел вышел ловкий, привычный. Слишком привычный.

Они двинулись через узкий проход.

Авелия шла первой, держа фонарь перед собой. За ней Тави, потом Элмар, который то и дело оборачивался на исчезнувшую стену. Проход оказался ниже лестницы; местами Авелии приходилось наклонять голову. Под ногами хрустела пыль, где-то капала вода, но не сверху — звук доносился из стены, будто замок хранил внутри себя старую реку.

— Сколько детей сейчас в замке? — спросила Авелия, когда молчание стало слишком густым.

— Вы всё равно хотите посчитать, — сказал Элмар.

— Хочу. Но не для Совета. Для ужина, одеял и комнат.

— Комнат? — переспросила Тави.

— Людям нужно где-то спать.

— Мы спим.

— Где?

Дети промолчали.

Авелия не стала давить.

Через несколько шагов Тави вдруг сказала:

— В бывшей бельевой. Там меньше дует. Если дверь подпереть.

— Сколько вас в бельевой?

— Сейчас пятеро, — тихо ответил Элмар.

Авелия остановилась всего на мгновение, но этого хватило, чтобы оба ребёнка заметили.

Пятеро.

Элмар, Нисса, Руф, Тави и ещё кто-то.

— Кто пятый?

— Сай, — сказал Элмар после паузы. — Он не выйдет.

— Почему?

— Потому что он вам не поверит.

— А ты поверил?

Мальчик не ответил сразу.

— Я иду за вами в коридоре, который закрыл дверь, — сказал он наконец. — Это не то же самое.

— Согласна.

Тави вдруг буркнула:

— Сай говорит, вас прислали, чтобы открыть главную кладовую.

Авелия запомнила имя и страх.

— А что в главной кладовой?

Элмар и Тави одновременно замолчали.

Проход резко повернул. Фонарь осветил низкую арку, за которой начинался другой коридор — шире, с белёными стенами. На полу лежали старые плиты, а вдоль одной стены тянулись деревянные полки. Пустые. Почти все. Только на нижней стояли три кувшина без крышек и стопка треснувших тарелок.

— Посудная, — выдохнул Элмар.

— Значит, замок всё-таки умеет быть полезным, — сказала Авелия.

Тави недоверчиво осмотрелась.

— Вчера здесь была стена.

— Вчера у вас не было хозяйки, которой не хватало мисок.

Слова сорвались сами, и Авелия тут же пожалела о них. Слишком уверенно. Слишком похоже на заявление прав.

Но дети не отступили.

Элмар посмотрел на полки, потом на Авелию.

— Можно взять?

— Нужно взять. Только целое или почти целое. Треснутое отложим отдельно, потом решим, что можно починить.

Тави уже осторожно снимала с нижней полки глубокую чашку. Смотрела на неё так, будто держала не посуду, а доказательство, что завтра может быть не совсем таким, как вчера.

Авелия достала из сумки платок, тот самый, в который были завёрнуты срезанные знаки Салкрестов, и помедлила.

Нет.

Для новых чашек не годилось то, во что она убрала старую грязь.

Она сняла с плеч тонкий шарф, вытряхнула, расстелила на полу.

— Складывайте сюда.

Элмар принес две миски, Тави — три тарелки, одну кружку и маленькую деревянную ложку с вырезанной на ручке птицей.

— Это Ниссина, — сказала Тави. — Она её потеряла прошлой зимой.

В голосе девочки впервые прозвучало что-то кроме злости. Удивление. Почти радость, которую она тут же попыталась спрятать.

Авелия посмотрела на ложку.

— Значит, Ниссе сегодня вернётся её вещь.

Полки тихо скрипнули.

На самой верхней, куда дети не могли дотянуться, что-то блеснуло. Авелия подняла фонарь и увидела небольшой медный подсвечник. Простой, потемневший, но целый.

— Это тоже возьмём, — сказала она. — Свет в доме лишним не бывает.

Когда они вышли из посудной через противоположную дверь, коридор уже не был прежним. Он вёл вверх, хотя раньше они спускались. Тави зашептала что-то под нос, Элмар стиснул зубы, но Авелия вдруг почувствовала не тревогу, а странную закономерность. Замок не гнал их вслепую. Он дал им найти Тави. Потом посуду. Теперь возвращал наверх, но не той же дорогой.

Как старый упрямый управляющий, который не открывает нужную комнату, пока хозяйка сама не поймёт, зачем она ей.

— Он показывает хозяйство, — сказала Авелия.

Элмар посмотрел на неё как на безумную.

— Что?

— Сначала кухня. Потом нижняя комната. Потом посудная. Он не просто пугает. Он проверяет, вижу ли я не тайну, а дело.

— Дело?

— Ребёнок, которому холодно. Пустая полка. Недостающие миски. Не закрытая дверь. Это всё дела. Дом состоит из них, а не из гербов.

Коридор под ногами едва заметно потеплел.

Тави настороженно прошептала:

— Кажется, ему понравилось.

— Тогда постараемся не зазнаваться, — сказала Авелия.

Они вышли не в кухню, а в большой зал.

Фонарь в руке Авелии осветил лестницу, колонны и чёрный провал главного очага. На этот раз зал казался не таким пустым. Может, потому что за её спиной дети несли посуду. Может, потому что где-то в глубине уже горел маленький кухонный огонь. А может, потому что замок сделал первый шаг от молчания к разговору.

Из коридора донёсся голос Дарона:

— Госпожа?

— Мы здесь.

Через минуту он появился у служебной двери, за ним выглянули Нисса и Руф. Нисса увидела Тави, бросилась к ней и обняла так крепко, что та едва не выронила тарелки.

— Я же сказала, не надо реветь, — сердито пробормотала Тави, но не оттолкнула.

Руф подбежал следом, остановился на полпути, посмотрел на Авелию, потом на Тави и шёпотом спросил:

— Рукав?

Тави подняла обрывок ткани.

— Почти. Из-за вас всех не дошила.

Руф облегчённо улыбнулся.

Эта маленькая улыбка стоила больше, чем все жемчужные платья в доме Салкрестов.

Дарон принял у Элмара посуду и покачал головой.

— Спустились за ребёнком, вернулись с тарелками. Хозяйственно.

— В этом замке, кажется, иначе нельзя, — ответила Авелия.

Нисса осторожно подошла к ней.

— Он пустил вас обратно.

— Я заметила.

— Не всех пускает.

— Почему меня пустил?

Девочка посмотрела на её ладони.

— Вы не взяли ключ себе.

Авелия вспомнила маленький железный ключ. Он всё ещё лежал у неё в кармане.

— Взяла.

Нисса покачала головой.

— Нет. Вы взяли, чтобы открыть. Не чтобы спрятать.

Разница была тонкой, но для замка, видимо, важной.

Ужин продолжился уже в другой кухонной тишине. Не доверительной, нет. До доверия было далеко. Но теперь дети сидели ближе к столу. Тави принесла из посудной найденные миски, и похлёбку можно было разлить не по очереди, а почти всем сразу. Почти — потому что пятого ребёнка, Сая, Авелия так и не увидела.

Ему поставили миску у двери.

Элмар сделал это сам, не спрашивая. Авелия не возразила.

Сай забрал еду только тогда, когда все отвернулись. Дверь едва слышно скрипнула, миска исчезла, а на полу остался

маленький клочок серой нитки.

— Он всегда так? — тихо спросила Авелия.

Элмар пожал плечом.

— После последнего проверяющего.

— Что сделал проверяющий?

— Улыбался.

Ответ был хуже подробностей.

Авелия опустила взгляд в свою миску. Её порция была почти прозрачной, но горячее. Она заставила себя съесть несколько ложек. Элмар наблюдал. Проверял, солгала ли она, когда сказала, что тоже будет есть. Пришлось доесть до конца, хотя от усталости пища вставала поперёк горла.

После ужина началась первая настоящая работа.

Не большая. Не героическая. Такая, с которой обычно и начинаются дома.

Дарон принёс из конюшни сухую солому, Авелия распоролла одно из своих нижних платьев на полосы, чтобы перевязать разбитую петлю на кухонной двери и сделать временные завязки для мешков. Тави молча забрала у неё ткань и показала, как лучше рвать по нитке, чтобы не испортить длинный край. Нисса нашла Ниссину же ложку и долго держала её в руках, будто боялась, что та снова исчезнет. Руф заснул прямо за столом, положив голову на рукав, который Тави всё-таки успела зашить.

Элмар не спал.

Он стоял у двери кухни, как маленький страж, и следил

за каждым движением взрослых.

— Где вы ночуете? — спросила Авелия, когда за окнами стало совсем темно.

— В бельевой, — сказал он после паузы.

— Покажешь?

— Зачем?

— Нужно понять, не дует ли там. И хватит ли места.

— Хватало.

— Хватало для выживания или для сна?

Элмар нахмурился.

— Какая разница?

Авелия устало потерла переносицу, но тут же опустила руку. Она не хотела, чтобы дети приняли её усталость за раздражение.

— Большая. Выживание — это когда закрываешь глаза, потому что больше нет сил держать их открытыми. Сон — это когда телу не нужно ждать беды каждую минуту. Я не обещаю вам второе сегодня. Но хочу понять, как к нему приблизиться.

Он долго смотрел на неё.

— Вы говорите так, будто это возможно.

— Иначе я бы не срезала с плаща последнюю пуговицу Салкрестов у ворот.

Почему она сказала именно это, Авелия не знала. Может, потому что Элмар лучше других понял цену этого жеста. Он видел, как ворота отказались открываться на чужой знак. Ви-

дел, как замок признал её только после отказа от имени, которое никогда не было её домом.

Мальчик наконец кивнул.

— Идёмте. Только Руфа не будите. Он плохо просыпается.

— Тогда перенесём его осторожно.

Элмар сразу напрягся.

— Я сам.

— Он тяжёлый для тебя.

— Я сам, — повторил он жёстче.

Авелия не стала спорить. Иногда помощь, навязанная слишком быстро, тоже похожа на отнятие права.

Элмар подошёл к Руфу, осторожно поднял его на руки. Мальчик был мал, но для худого тринадцатилетнего Элмара всё равно тяжёл. Тави сразу подхватила зашитый рукав, чтобы не тянулся по полу. Нисса взяла деревянную птичку и ложку. Дарон, не спрашивая, поднял охапку соломы и старый плащ, который Авелия сняла с сундука.

Так они пошли в бельевую.

Комната оказалась в боковом крыле, за двумя поворотами от кухни. Бывшая бельевая действительно была самым сухим местом из тех, что Авелия пока видела: низкий потолок, толстые стены, одно маленькое окно, забитое досками изнутри. На полу лежали соломенные тюфяки, старые покрывала, несколько мешков, набитых тряпьем. У стены стоял ящик, где, вероятно, дети хранили всё ценное: нитки, об-

ломки свечей, камешки, деревянные фигурки, кусочки ткани, одну перчатку без пары и огарок цветного мелка.

Пять мест.

Пять маленьких островков в большом забытом замке.

Пятое, самое дальнее, было пустым, но на покрывале лежала серая нитка. Сай.

Авелия остановилась у порога и не вошла сразу.

— Можно?

Дети переглянулись.

Тави нахмурилась.

— Это ваш замок.

— А это ваша комната.

Такого правила в драконьих домах не существовало. Там всё принадлежало роду, хозяину, старшему, гербу. Дети, похоже, тоже не знали, что ответить.

Нисса первой кивнула.

— Можно. Только не трогайте ящик.

— Не трону.

Авелия вошла и осмотрела стены. У окна действительно тянуло. Одна доска отходила, щель пропускала острый воздух. У двери не хватало нижней планки. Тюфяки нужно было просушить. Покрывала — вытрясти, но не ночью, не в холод.

— Сегодня дверь оставляем приоткрытой, — сказала она.

— Чтобы тепло из коридора хоть немного доходило. Дарон, если найдёте ещё одну доску, прикроем щель у окна.

— Найду.

— Завтра перенесём сюда жаровню, если обнаружим целую. Или устроим спальное место ближе к кухне, пока не разберёмся с печами.

— Мы не пойдём в господские комнаты, — резко сказал Элмар.

Авелия посмотрела на него.

— Я не предлагала господские.

— Проверяющий предлагал.

Вот оно снова. Проверяющий, который улыбался. Проверяющий, после которого Сай перестал выходить.

— И что было потом?

Элмар крепче прижал спящего Руфа.

— Потом двоих забрали.

Тави отвернулась к стене.

Нисса перестала гладить деревянную птичку.

Авелия почувствовала, как осторожное тепло кухни сменилось холодным гневом. Но гнев был бесполезен, если дать ему разлиться. Его следовало превратить в вопрос, в запись, в будущий счёт.

— Их имена? — спросила она тихо.

— Для чего? — Элмар почти оскалился.

— Чтобы я знала, кого искать в бумагах, когда доберусь до них.

— В бумагах их нет.

— Значит, начну с ваших слов.

Он качнул головой.

— Нет.

Авелия кивнула.

— Не сейчас.

Она отступила к двери.

— Ложитесь. Дарон останется в кухне. Я тоже буду рядом.

— Где? — спросила Тави.

— В главном зале, наверное.

Все дети одновременно подняли на неё глаза.

— Нельзя, — сказала Нисса.

— Почему?

— Ночью он становится другим.

— Замок?

Она кивнула.

Элмар положил Руфа на тюфяк и укрыл своим покрывалом.

— Он двигает коридоры, когда темно. Особенно если в доме новый человек.

— Чтобы выгнать?

— Чтобы понять.

Авелия посмотрела в коридор. Там уже сгушались тени, хотя на кухне ещё горел огонь. Каменный Сиротский, похоже, не собирался ждать утра со вторым испытанием.

— Тогда я останусь у вашей двери.

— Зачем?

— Чтобы, если коридоры начнут двигаться, я знала, где

вы.

Элмар смотрел на неё долго, почти сердито.

— Вы не должны нас охранять.

— Верно. Должна. Теперь это входит в моё внутреннее управление.

Тави вдруг фыркнула. Нисса спрятала улыбку в деревянную птичку. Даже Элмар моргнул, не сразу решив, можно ли сердиться на такую фразу.

Авелия устроилась в коридоре у стены, завернувшись в плащ. Дарон принёс ей старую скамейку, но она отдала её ему обратно.

— Вам завтра вести лошадей к мосту, если решите уехать. Садитесь вы.

— Я и на полу сидел.

— А я четыре года сидела на креслах, которые мне не принадлежали. Сегодня пол честнее.

Дарон хотел возразить, но увидел её лицо и только покачал головой.

Ночь опустилась на замок не сразу.

Сначала погас последний серый свет в окнах. Потом кухня стала единственным тёплым местом в боковом крыле. Потом где-то вверху закрылась ставня, хотя никто её не трогал. Потом стены начали тихо дышать.

Авелия не спала.

Она сидела у двери бельевой, слушала ровное сопение детей и составляла в голове список на утро: проверить колодец,

пересчитать посуду, осмотреть печи, найти кладовые, узнать про Сая, расспросить Дарона о ближайшей деревне, написать первый запрос по попечительскому фонду. В список всё время вмешивались чужие лица: Орвейн у мраморного стола, Лиорса с пальцами на спинке кресла, Гравен Арк, произносящий «состав проживающих не указан» так, будто отсутствие строки могло отменить живых детей.

Она почти задремала под утро — или ей показалось, что под утро, потому что в замке не было часов.

Проснулась Авелия от тишины.

Не от звука. Именно от тишины.

Дверь бельевой была приоткрыта, как и прежде. Изнутри доносилось дыхание детей. Но что-то изменилось. Коридор, где она сидела, стал длиннее. Намного длиннее.

Кухонного света больше не было видно.

Вместо знакомого поворота слева тянулся узкий проход с окнами, которых раньше здесь не было. Справа появилась лестница вниз. Прямо впереди висел гобелен, которого Авелия точно не видела вечером: пустой щит на сером поле, вокруг него семь не зажжённых огней.

Она медленно поднялась.

Плащ соскользнул с плеч.

Дверь бельевой скрипнула.

— Авелия? — прошептала Нисса.

Девочка стояла на пороге, босая, бледная.

— Тихо, — сказала Авелия. — Все внутри?

Нисса обернулась.

И в этот миг из комнаты донёлся испуганный шёпот Тави:
— Руфа нет.

Авелия почувствовала, как сердце ударило в рёбра.

Она вошла в бельевую. Элмар уже стоял у пустого тюфяка Руфа, белый как мел. Покрывало было откинута, на полу виднелись маленькие следы босых ног. Они вели к стене.

Не к двери.

К стене, где вечером стоял ящик с детскими вещами. Теперь ящика не было. На его месте темнел низкий проход, такой маленький, что взрослому пришлось бы ползти.

— Он проснулся, — прошептала Тави. — Руф иногда ходит за голосом, если замок зовёт.

Элмар бросился к проходу.

Авелия успела схватить его за рукав.

— Нет.

Он дёрнулся так сильно, что ткань затрещала.

— Пустите!

— Ты застрянешь там с ним.

— Это Руф!

— Именно поэтому ты останешься с Ниссой и Тави.

— Вы не понимаете!

— Понимаю, что если ты исчезнешь следом, мне придётся искать уже двоих.

Глаза мальчика сверкнули яростью.

— Вы взрослая. Вам легко оставаться!

Эти слова попали точно в невыкрикнутое, о котором говорила Нисса. В ту самую часть Авелии, которая четыре года оставалась, терпела, молчала и называла это долгом. Но сейчас речь была не о прошлом.

Сейчас в стене исчез маленький ребёнок.

Авелия опустилась на колени перед проходом. Изнутри тянуло холодом и пылью. Где-то далеко, очень далеко, слышался всхлип.

— Руф, — позвала она негромко. — Это Авелия. Ты меня слышишь?

Ответа не было.

Только ещё один всхлип.

Авелия сняла плащ, потому что в нём она точно застрянет. Отдала фонарь Элмару.

— Держи свет у прохода. Если стены начнут двигаться, говори вслух всё, что видишь. Не кричи. Просто говори.

Элмар смотрел на неё так, будто всё ещё не верил.

— Вы полезете?

— Да.

— Там тесно.

— Я заметила.

— Там может закрыться.

— Тоже заметила.

Нисса вдруг подошла ближе и вложила в ладонь Авелии свою деревянную птичку.

— Он любит её, — прошептала она. — Руф пойдёт на стук

крыла.

У птички действительно одно крыло болталось на нитке и тихо постукивало по деревянному боку.

Авелия взяла игрушку очень осторожно.

— Верну.

— Не обещайте, если не знаете, — напомнила Нисса.

Авелия встретила её взгляд.

— Тогда скажу иначе. Я буду держать её крепко.

И полезла в проход.

Камень сразу сжал плечи. Пришлось двигаться медленно, на локтях, стараясь не думать о том, что за спиной остаётся свет. Проход пах старой пылью и холодным железом. Никакой сырости, никакой живой земли — только камень, который помнил слишком многое и не собирался объяснять свои правила.

— Руф, — позвала она снова. — Постучи, если слышишь. Тишина.

Авелия постучала деревянным крылом птички.

Тук.

Тук.

Тук.

Из темноты впереди донёсся слабый ответный звук. Не стук. Скорее шорох.

— Хорошо, — сказала она, хотя не знала, слышит ли её малыш. — Я иду.

Проход повернул. Авелия ударилась плечом о выступ и

едва не выронила птичку. Стиснула зубы, переждала вспышку боли и поползла дальше. Где-то позади Элмар говорил ровным напряжённым голосом:

— Стена не закрылась. Свет есть. Нисса держит дверь. Тави не плачет.

— Я не плачу! — сердито донеслось дальше.

Авелия почти улыбнулась, но тут проход резко пошёл вниз.

Она соскользнула на локтях, удержалась за каменный край и замерла. Впереди появилась щель, за ней — крошечная комната или ниша. Там, в сером свете, сидел Руф.

Он прижал колени к груди и смотрел на стену перед собой. На его рукаве белела свежая нитка Тави.

— Руф, — мягко сказала Авелия.

Мальчик повернул голову.

Глаза у него были широко раскрыты, но он не плакал. Будто уже выплакал всё по дороге.

— Он сказал, мама там, — прошептал Руф.

У Авелии перехватило дыхание.

Она не знала, кто была его мать. Жива ли. Помнил ли он её лицо или только голос, который замок зачем-то повторил в темноте. Не знала, был ли это злой обман, испытание или память стен, не умеющая отличать утешение от боли.

Но знала, чего нельзя говорить.

Нельзя сказать «тебе показалось».

Нельзя сказать «не выдумывай».

Нельзя сказать «мамы там нет», даже если это правда. Ребёнок, который пошёл в стену за голосом, слышал не ложь. Он слышал надежду, ставшую ловушкой.

Авелия протянула деревянную птичку.

— Нисса дала мне это для тебя.

Руф посмотрел на игрушку.

Однокрылое птичье тельце тихо качнулось в её руке.

— Она сломана, — сказал он.

— Зато вернулась.

Он молчал.

— Как и ты сейчас вернёшься, если позволишь мне помочь.

— Там был голос.

— Я знаю.

— Он звал.

— Иногда дом помнит тех, кого мы очень хотим услышать. Но память — не всегда дверь, в которую надо идти ночью босиком.

Руф опустил взгляд на свои ноги, словно только теперь понял, что замёрз.

Авелия не могла развернуться в проходе. Не могла просто взять его на руки. Между ними была узкая щель, через которую пролез бы ребёнок, но не взрослый. Значит, нужно было уговорить его двигаться самому.

— Руф, послушай меня. Элмар ждёт у входа. Тави сердится, потому что ты испачкал зашитый рукав раньше, чем она

успела им похвастаться. Нисса отдала свою птичку и теперь, наверное, делает вид, что ей не страшно.

— А вы?

Вопрос был таким тихим, что Авелия почти не слышала.

— А я застряла в стене и очень рассчитываю, что ты покажешь мне, как отсюда выбраться.

Малыш моргнул.

Потом вдруг шмыгнул носом.

— Вы большая.

— Именно. Очень неудобно.

— Большие не лезут за маленькими.

Авелия почувствовала, как камень под локтями стал холоднее.

Вот оно. Самое главное правило, которому их научили.

Большие не лезут за маленькими.

Большие зовут, считают, забирают, закрывают двери, улыбаются, открывают кладовые, но не лезут в тесноту, не пачкают платья, не рискуют за теми, у кого нет фамилий.

— В этом доме будут лезть, — сказала она.

Руф смотрел на неё долго.

Потом протянул руку к птичке.

В тот же миг стена за его спиной дрогнула.

Щель, через которую он должен был пролезть к Авелии, стала уже.

— Руф, быстро, — сказала она, сохраняя голос спокойным только усилием воли.

Он испугался и замер.

— Я не могу.

— Можешь. Сначала птичка ко мне. Потом рука. Потом плечо боком.

Стена снова скрипнула.

Авелия слышала крик Элмара сзади, но не разобрала слов. Проход у её ног будто сдвинулся. Каменный Сиротский больше не просто показывал. Он требовал выбора от неё тоже.

Она могла отползти назад. Сказать, что проход закрывается. Позвать Дарона, попытаться найти другой путь. Сохранить себя, чтобы утром продолжить разумно и правильно.

А Руф останется за стеной один.

Авелия резко просунула руку в щель до плеча. Камень сжал рукав, ткань затрещала.

— Руф, смотри на меня.

Мальчик поднял глаза.

— Сейчас ты возьмёшь мою руку. Я не обещаю, что не будет страшно. Будет. Но ты полезешь на мой голос. Не на тот, который зовёт из стены. На мой. Понял?

Он кивнул.

— Скажи вслух.

— На ваш.

— На мой.

— На ваш голос, — прошептал Руф и вцепился в её пальцы.

Авелия потянула.

Не резко. Сначала только помогла ему лечь на живот, потом направила плечо, потом подтянула ближе. Камень царапал её руку через ткань, Руф всхлипывал, где-то позади Элмар повторял: «Свет есть, свет есть, свет есть», будто если перестанет, темнота победит.

Щель стала ещё уже.

— Руф, выдыхай, — сказала Авелия. — Как будто дуешь на горячую кашу.

— Она не горячая.

— Завтра сделаем горячее.

— Правда?

— Если найдём больше крупы.

— Это не обещание?

— Это хозяйственный план.

Он вдруг тихо фыркнул сквозь слёзы.

И в этот момент плечо прошло.

Авелия потянула сильнее, чувствуя, как что-то в её рукаве рвётся окончательно. Руф выскользнул из щели прямо ей под грудь. Она прижала его одной рукой, другой упёрлась в пол и начала пятиться назад.

Проход не отпускал.

Камень будто стал ниже. Дышать было трудно. Руф цеплялся за неё, дрожал всем телом, но не кричал.

— Элмар, говори! — крикнула Авелия, забыв запрет.

Коридор вокруг тут же отозвался низким гулом.

Она замерла.

Нельзя кричать.

— Я здесь, — донёсся голос мальчика, сорванный, но уже тише. — Свет есть. Нисса держит дверь. Тави ругается. Дарон хочет ломать стену.

— Пусть не ломает.

— Он уже понял.

Авелия почти смеялась бы, если бы могла вдохнуть глубоко.

Она двигалась назад медленно, считая каждый толчок локтями. Руф стал помогать — упирался коленями, старался не висеть на ней, хотя сил у него было мало. Наконец впереди появился свет. Не яркий, дрожащий, но настоящий.

Элмар лежал у прохода на животе, вытянув фонарь как можно глубже. Лицо у него было мокрым, хотя он, скорее всего, потом сказал бы, что это пыль.

— Давай его, — хрипло сказал он.

Авелия подтолкнула Руфа вперёд.

Маленькие руки подхватили малыша — Элмар, Тави, Нисса все разом, мешая друг другу, вытаскивая, ощупывая, сердясь и почти плача. Авелия выбралась последней. На пол она скорее выпала, чем выползла.

Несколько мгновений она просто лежала на холодных плитах и смотрела в потолок бельевой.

Потолок был на месте.

Дверь была на месте.

Ящик с детскими вещами снова стоял у стены, будто никуда не исчезал.

Каменный Сиротский молчал.

Потом Руф вырвался из рук Элмара и вдруг прижался к боку Авелии.

Неловко. Сильно. Всем маленьким дрожащим телом.

Она не сразу поняла, что он обнимает её.

Не из благодарности даже.

Из проверки: настоящая ли.

Авелия медленно подняла руку и положила ему на спину. Не сжала. Не удержала. Просто дала понять, что здесь.

Элмар стоял рядом, белый, злой и потрясённый.

— Вы могли уйти, — сказал он.

— Могла.

— Но не ушли.

— Нет.

— Почему?

Авелия села, прислонившись к стене. Рука болела, платье было в пыли, волосы выбились из причёски окончательно. От прежней жены герцога, пожалуй, не осталось ничего, кроме осанки, и та сейчас держалась на упрямстве.

Она посмотрела на детей: на Руфа, который всё ещё цеплялся за неё; на Ниссу с пустыми руками, потому что птичка осталась у малыша; на Тави, сердито вытирающую глаза рукавом; на Элмара, который изо всех сил пытался не поверить слишком быстро; на серую нитку у дальнего тюфяка,

где, возможно, в темноте слушал Сай.

— Потому что дом начинается не с ворот, — сказала Авелия. — И не с печати Совета. Дом начинается там, где маленького не оставляют одного в стене.

Никто не ответил.

Но где-то за дверью коридор снова стал коридором. Кухонный свет появился вдалеке, тёплый и слабый. По стене бельевой медленно прошла серебристая линия и остановилась у порога, как тонкая нить.

Нисса всхлипнула.

— Он запомнил.

— Что?

Девочка посмотрела на Авелию.

— Что вы вернулись.

Элмар медленно опустился на пол напротив. Он всё ещё не улыбался. Не расслаблялся. Не доверял до конца.

Но когда Руф уснул, прижавшись к Авелии, мальчик не забрал его сразу.

Это, как поняла Авелия, было не меньше, чем открытые ворота.

Позже, когда дети снова улеглись, когда Дарон молча поставил у двери кружку тёплой воды и ушёл, когда замок перестал шевелиться и ночь стала почти обычной, Авелия достала из кармана свой сложенный список.

Руки дрожали от усталости, но она всё же развернула бумагу.

Первая строка осталась прежней:

«Узнать, кто просит не открывать ворота».

Ниже она медленно написала вторую:

«Не позволить Совету забрать детей без фамилий».

Потом подумала и добавила третью:

«Найти главную кладовую. Но не открывать, пока не пойму, чего они боятся».

За стеной кто-то тихо шевельнулся.

Из темноты у дальнего тюфяка, где лежала серая нитка, прозвучал почти неслышный мальчишеский голос:

— Если вы откроете её неправильно, замок вспомнит всех, кого у него забрали.

Авелия не повернула головы резко. Не испугала голос вниманием.

Только спросила так же тихо:

— Ты Сай?

Молчание длилось долго.

Потом голос ответил:

— Для записей — нет.

Авелия посмотрела на тёмное окно, на щель, закрытую доской, на детей, спящих в бывшей бельевой, и на свой список, который уже перестал быть просто хозяйственным.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда не для записей.

Каменный Сиротский за стенами молчал.

Но это молчание больше не было пустым.

Глава 4. Первый тёплый очаг

Утро в Каменном Сиротском началось не с рассвета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.